

МАРИНА СЕРОВА

Последний БИЛЕТ В РАЙ

Сернал
"Мисс Робин Гуд"

Мисс Робин Гуд

Марина Серова

Последний билет в рай

«Научная книга»

2011

Серова М. С.

Последний билет в рай / М. С. Серова — «Научная книга»,
2011 — (Мисс Робин Гуд)

Пожалуй, никогда еще Полина Казакова, известная как Мисс Робин Гуд, не сталкивалась с таким серьезным делом! Сексуального маньяка оправдали в зале суда – кое-кто очень постарался его «отмазать». Прежде чем покарать самого негодяя, Полина решила наказать тех, кто помог ему выйти на свободу. Осталось определиться, с кого начать: со старшего брата преступника, покрывавшего его, с любовницы, давшей ложные показания, или с лаборанта, подменившего результаты экспертизы...

© Серова М. С., 2011

© Научная книга, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Марина Серова

Последний билет в рай

Глава 1

Это был один из самых громких процессов в нашем городе. Судили извращенца-педофила, надругавшегося над маленьким мальчиком и затем убившего его. На суд меня пригласил мой знакомый, журналист газеты «Горовск сегодня» Антон Ярцев. Ему было поручено освещать этот процесс в нашей любимой прессе. Мы с Антоном сидели в зале суда вместе с многочисленными слушателями и внимали каждому слову, звучавшему как со стороны обвинения, так и со стороны защиты.

В клетке находился худощавый мужчина лет тридцати пяти, довольно-таки противный на вид. Он был плюгавый и какой-то бесцветный, его вороватые желтые глазки беспокойно бегали по лицам судьи, адвоката, прокурора... Это и был подсудимый Степан Суруляк. Он кричал, что невиновен, что очень любит детей и сам мечтает иметь сына. Его сожительница, нагловатая особа лет тридцати с хвостиком, клятвенно всех заверяла, что ее возлюбленный в тот вечер был с ней дома, устроил ей романтический ужин при свечах, плавно перетекший в бурный секс. При этих словах сожительница кокетливо опустила глаза и покраснела. И вообще, продолжила она после небольшой театральной паузы, зачем, мол, ему какой-то мальчик, когда у него есть такая женщина, как она, дородная, темпераментная и преданная? Сожительницу звали Евдокия Курочкина. Она, не в пример своему худосочному мачо, действительно была женщиной достаточно крупной и, что называется, видной. Ненатуральная блондинка с круглым курносым лицом и губками бантиком.

Надо отдать должное прокурору: он буквально лез из кожи, доказывая вину обвиняемого. Даже охрип от чрезмерного старания. Адвокат был молод и великолепен. Он вел дело так спокойно, уверенно и грамотно, что с каждой минутой мне становилось все яснее: Степана Суруляка признают невинным. Старый судья был строг, но справедлив. Перед оглашением приговора все замерли, словно решалась судьба лично каждого человека, присутствующего на процессе. За недоказанностью обвинения судья вынес оправдательное решение.

В зале словно взорвалась бомба. Все кричали, что Суруляк – убийца, насильник, и требовали его казнить. Некоторые уверяли, что сами покарают его, третьи... Впрочем, что именно кричали люди, было уже неважно. Конвоиры выпустили оправданного из клетки и скрылись в боковой двери. К Суруляку подошла его пассия и еще несколько каких-то слишком самоуверенных типов, они все обняли его и, загораживая своими телами от толпы, повели к выходу.

Я тоже вышла из зала и встала в углу коридора в ожидании моего друга. Антон показался не сразу, очевидно, ему было необходимо увидеть все до конца. Когда спустя несколько минут он подошел ко мне, убирая диктофон в сумку, то сказал, криво усмехнувшись:

– Знаешь, Полина, я себе просто удивляюсь: сколько лет пишу репортажи о всяких подонках и мерзавцах, а все никак не могу привыкнуть!.. Слушай, давай сходим в кафе, немного развеемся, а то как-то тошнотворно на душе!..

Уж чего-чего, а свободного времени у меня было хоть отбавляй, и я согласилась.

Мы вышли из здания суда. Я увидела, как к крыльцу подкатила крутая тачка, Суруляк со своей дамой сердца и еще двумя типами быстро прыгнул в нее, и машина рванула с места. Остальные его «телохранители» уехали следом за ними, на другой машине.

– Почетный эскорт увез невинно пострадавшего на реабилитацию, – съязвил Антон.

Мы с Ярцевым приехали на моем неизменном «Мини-Купере» в кафе «Восток-Запад». Уселись в уютном зале за добротным столиком, заказали себе по чашке эспрессо, взяли пирож-

ные и принялись обсуждать процесс. Так как оба мы еще не отошли от увиденного и услышанного, нам просто не терпелось обменяться впечатлениями.

– Ну, и как тебе этот урод? – спросил Антон, отхлебывая ароматный горячий кофе.

– Всем уродам урод, – ответила я. А что еще можно было сказать о подсудимом?

– Как считаешь, это он убил мальчика?

Я посмотрела на Антона.

– Ты спрашиваешь меня как человека или как юриста?

– А что, у человека и юриста на этот счет разные мнения? – Ярцев удивленно вскинул свои прямые брови.

– Разные. Если ты спрашиваешь меня как специалиста в области юриспруденции, отвечаю: Суруляк невиновен. Его адвокат, как это ни печально, прав: доказательств недостаточно. Сперма, обнаруженная у мальчика, не принадлежит оправданному сему гражданину, это неоспоримый факт. Ты сам слышал: в деле есть заключение биолого-медицинской экспертизы. На месте преступления Суруляка тоже никто не видел. Вернее, видеть-то видели, но свидетельница не уверена, точно ли это был подсудимый. А сомнения всегда трактуются в пользу обвиняемого, ты знаешь... Но если ты спросишь меня как человека, я отвечу: считаю, что в виновности подсудимого нет ни малейших сомнений! Вернее, теперь уже оправданного.

– О как! Нет сомнений?

– Ни малейших.

– Обоснуй.

– Антон, ты видел его глаза?

Ярцев на минуту задумался. Он перестал помешивать кофе и уставился в одну точку на столе.

– А знаешь, ты права. Этот Суруляк – последняя мразь! Больше всего меня поразило, что он ни грамма не сочувствовал родителям мальчика, его матери и бабушке, плакавшим в течение всего процесса... Даже если это не он убил, то, просто как человек, он должен был хотя бы сопереживать чужому горю. А он нагло ухмылялся, и волновала его, похоже, исключительно собственная судьба.

– Согласна, Антон. Я во время процесса думала о том же самом. Если доказательств недостаточно, то поведение подсудимого никуда не денешь. А потом, ты же знаешь, интуиция меня редко подводит. Да ему и было о чем волноваться: по статье сто тридцать четвертой плюс сто пятой этому уроду светило до двадцати лет, а то и пожизненное!

– Да... Педофилия плюс убийство... – задумчиво протянул Ярцев.

За те несколько лет, что он занимался криминальными хрониками, он достаточно хорошо изучил Уголовный кодекс.

– Честно говоря, Полина, я ведь уже сталкивался с этим Суруляком, – неожиданно сказал Антон.

– Неужели? И когда же?

– Года четыре тому назад... Нет, кажется, больше. Он тогда умудрился стать соучастником одного преступления, о котором я писал. Я даже помню его кличку – Обмылок. Так его подельник называл. Они совершили разбойное нападение на одного парня. Нанесли ему тяжкие телесные повреждения, отняли кошелек, дорогой мобильник и часы.

– Обмылок, говоришь? Умеют же урки давать друг другу клички! Вот уж действительно

– Обмылок... А почему он на разбой пошел? Ему что, денег не хватало, такой бедный?

– Скорее такой наглый... А вообще, Полин, я думаю, дело тогда было вовсе не в деньгах. Хотя следователь уверял, что именно в них. И сам Обмылок-Суруляк пытался изобразить эдакую заблудшую овечку: мол, друг меня сбил с пути истинного, ему деньги были нужны, а я – так... взялся помочь приятелю «подзаработать». Да и не бил, мол, я пострадавшего, только на

стреме стоял... Но я хорошенько тогда покопался в этом деле, навел справки по своим каналам...

– И что откопал?

– Откопал такие сведения, которые ставят версию простого ограбления под сомнение. Например, я узнал, что наш Обмылок – вовсе не такой уж бедный и несчастный и в деньгах не нуждался. Его родной братец – господин Суруляк номер два с редким русским именем Иван Иванович – является владельцем ночного клуба «Троян».

– О! Так вот кто у нас заведует ночной жизнью города!

– А ты знаешь этот клуб?

– А что ты удивляешься, Антон? Да, мне приходилось там бывать. Представь себе, я тоже иногда позволяю себе развлечься с друзьями. Коктейли, танцы...

– Зря! Лучше не ходи туда. У этого заведения дурная репутация. – Антон положил в рот последний кусочек пирожного. – Что-то мы мало заказали. Давай еще по одному?

Он заказал еще по пирожному и по чашке кофе заодно. Когда официантка принесла наш заказ, я спросила:

– Так что там насчет дурной репутации ночного клуба? Уточните, пожалуйста, господин журналист.

Антон сначала откусил кусок пирожного, прожевал, проглотил и только тогда ответил:

– Полный джентльменский набор: наркотики, девочки...

– Что, прямо в клубе распространяют? Я там бывала пару раз, но ничего не заметила...

– Зато замечают те, кому надо. Там есть отдельные номера... Ну, ты меня поняла.

– Значит, вот так: все известно, и никто ничего не предпринимает? В плане чтобы пресечь зло.

– Почему? Предпринимают...

Антон снисходительно усмехнулся:

– Полин, ну ты же знаешь, как это делается... Суруляк-старший, скорее всего, откупается. Ночной клуб, как я понимаю, приносит Иван Ивановичу неплохие доходы. И на хлебушек с маслом ему хватает, и на то, чтобы «подмазать» где надо... Да и деньжата на магазинчик братцу-извращенцу, скорее всего, тоже он подкинул.

– У Обмылка есть свой магазин? Антон, ты шутишь?

– А что, преступник, по-твоему, не может быть владельцем магазина?

– Да как-то не похож этот Суруляк на добропорядочного «ипэшника».

– Не то удивительно, что у него есть магазин, а то, какой это магазин!

– Неужели магазин французской моды? Или он постеры продает?

– Куда ему! Он держит магазинчик под названием... ты хорошо сидишь? «Игрушки для взрослых»!

Я даже присвистнула:

– Вон как! Мне бы такое и в голову не пришло.

– Да, вот так. Не надо было к началу слушания опаздывать, прокурор об этом магазине говорил в начале своей обвинительной речи.

– Да я в «пробку» попала на улице Жен Декабристов. Там ремонт дороги идет... Я хотела развернуться и уехать, но сзади меня уже подперли... Слушай, Антон, а что все-таки с тем делом? Ну, как там... разбойное нападение с ограблением? Срок этому субчику дали?

– Два года. И то условно.

– Всего-то?! За разбойное?..

– А что ты хочешь? Не было ведь доказано, что он лично избивал того парня, к тому же его поделщик... кажется, Чепуров была его фамилия... Так вот, этот Чепуров почти все взял на себя. Да, я, мол, подговорил Суруляка пойти со мной, я дубасил своего должника, деньги из него выколачивал, а Обмылок только на стреме стоял... Правда, потерпевший утверждал,

что они оба его били. В общем, судья проявил к Обмылку снисхождение, а Чепуров получил тогда по полной, пять лет. Да теперь уже, должно быть, он гуляет на свободе.

– А может, судье помогли стать снисходительным?

– Все возможно. Братец-то нашего Обмылка уже тогда держал свой ночной клуб, так что денежки у него наверняка водились.

– А теперь этот урод вообще ушел от наказания... Преступления его становятся все серьезнее, наказания никакого... Растет парень!

– Согласен: обидно. А что поделаешь?! – Антон посмотрел в потолок. – Слушай, а музыка здесь очень хорошая. Успокаивающая.

– Я тоже люблю блюз... Антон, не отвлекайся!

– От чего не отвлекаться-то? Все уже обговорили. Дело закрыли, убийцу оправдали... Молодцы, ничего не скажешь! Я сейчас еду в редакцию, готовить статью...

Но Ярцев не успел договорить: в зал зашел адвокат. Тот самый, который только что на суде оправдал Суруляка. Мы с Антоном, помимо нашей воли, уставились на него.

– Явился – не запылелся! – прошипел Ярцев и неожиданно крикнул: – Павел!

Я удивилась:

– Ты с ним знаком?

Адвокат повернул к нам голову, кивнул Ярцеву и направился в нашу сторону. Пока он подходил к нашему столику, Антон успел мне шепнуть:

– Знаю, как видишь. Сейчас и тебя познакомлю. Интересный человек, между прочим!

Адвокат остановился рядом с нами, поздоровался и сел, наконец, на стул по приглашению Антона. Он был высоким и плечистым. Я бы даже сказала, что он был весьма красивым мужчиной лет тридцати – тридцати двух. Хотя и на суде я успела рассмотреть его достаточно хорошо, теперь, вблизи, он казался куда привлекательнее. Его пышная темная шевелюра была зачесана назад, а взгляд умных выразительных глаз выдавал в нем человека незаурядных способностей. Дорогой темно-серый костюм сидел на нем великолепно, синий галстук подчеркивал белизну рубашки, а золотые запонки гармонично завершали его элегантный наряд.

– Знакомьтесь: Полина Казакова, моя приятельница, – Павел Аржанов, адвокат. Я когда-то писал статью об одном уголовном деле. Тогда мы и познакомились...

Мы с Павлом кивнули друг другу. Он заказал себе кофе, какой-то салат и десерт.

– Об этом кренделе ты тоже будешь писать? – спросил он Антона.

Разумеется, Ярцев понял, о ком речь, и неохотно ответил:

– Придется: задание редакции. Я-то человек подневольный, да и пишу я о таких подонках для того, чтобы люди знали, какая мерзость рядом с нами живет, и опасались их... А вот ты... Как ты его великолепно защищал, Паша! Я пришел в неописуемый восторг! Такие перлы речевые! Ты же просто соловьем заливался!

В голосе Антона явно сквозила издевка. Но Павел, к моему изумлению, вовсе не обиделся. Он спокойно, с достоинством ответил:

– Я тоже человек подневольный, Тоша. Я призван защищать подозреваемых. Статью четырнадцатую никто пока не отменял.

– Это что еще за статья такая? – с сомнением спросил Ярцев.

– Каждый невиновен, пока его вина не доказана, – блеснула я знанием Уголовного кодекса.

Павел удивленно посмотрел на меня:

– Полина, вы – юрист?

Я кивнула.

– Она – юрист, а ты – артист, – сострил Ярцев. – Как ты играл свою роль! Роль прекрасного адвоката. Не сомневайся, Паша: теперь все авторитеты уголовного мира нашего Горовска запишут тебя в свои личные адвокаты.

– Слушай, Антон, ты что, хочешь поспорить со мной? – Павел перестал есть свой салат. Он смотрел на Ярцева спокойно, но с некоторым удивлением.

– Очень хочу. Но не буду.

Настала моя очередь удивляться. Я уставилась на Ярцева. Я давно не видела его таким.

– Антон, ты что? Человек выполнял свою работу...

Мои слабые попытки высказаться в защиту справедливости только подлили масла в огонь. Ярцев вскипел:

– Полина, ну хоть ты не делай вид, что все нормально! Этот урод убил мальчика, предварительно хорошенько поиздевавшись над ним. Ведь ясно же, что Суруляк – законченная мразь! А он, – Ярцев кивнул на Павла, – его защищал! Защищал этого подонка! Да я бы... я бы... своими руками его задушил! Честное слово...

– Меня или подонка? – Павел вообще отодвинул от себя тарелку и снова прямо и спокойно посмотрел в глаза Ярцеву. – Да, Антон, я его защищал. Защищал, потому что это – мой долг. Как ты знаешь, у нас каждый имеет конституционное право на защиту. Даже такая мразь, как этот Суруляк. Он – мой клиент, и я всего лишь выполнил свою работу. Выполнил честно, так же, как ты сам сейчас пойдешь в редакцию и будешь там выполнять свою. И другой адвокат на моем месте сделал бы то же самое, уверяю тебя! Суруляка оправдали, потому что улики действительно было недостаточно, коллега не даст мне соврать, – при этих словах Павел кивнул на меня. – А все сомнения в доказательствах трактуются в пользу обвиняемого, таков закон.

Он замолчал и посмотрел на меня, как бы ища поддержки. Я промолчала, так как опыта адвокатской практики у меня не было и на звание коллеги Павла я уж точно не тянула. Но мое молчание каждый из них расценил по-своему.

– До твоего прихода мы с Полиной как раз говорили о том, что Суруляк виновен, это и козе понятно. Бегающий взгляд выдавал преступника с головой, мы за ним весь процесс наблюдали!

Адвокат печально усмехнулся:

– Взгляд! Ну, Антон, ты даешь! Взгляд, как говорится, к делу не пришьешь... Я скажу вам больше, ребята. Суруляк сам признался мне, что это он изнасиловал и убил мальчика!

Мы с Ярцевым застыли, разинув рты. Мы смотрели на Павла, не зная, как реагировать на такое сообщение. Несколько секунд длилась эта немая сцена, пока Антон, очнувшись первым, не вскрикнул:

– Так какого черта!..

За соседними столиками обернулись и посмотрели на нас. Я тронула моего друга за руку. Тот немного притух. Адвокат между тем продолжал:

– Я же сказал: мой долг – защищать, а не обвинять. Обвинитель на суде, если ты заметил, был. А когда во время следствия я приходил на беседы к Суруляку, то просил его рассказать мне всю правду без утайки, чтобы знать, как выстраивать линию защиты. Чтобы, говорю, сюрпризов на суде у нас с вами не было. А его вдруг как прорвало! Я даже сам не ожидал и вначале растерялся. Он начал мне все рассказывать, Антон. Причем с таким наслаждением! Как он случайно увидел мальчика во дворе какого-то дома, какой тот был хорошенький – чистенький и симпатичный, как девочка... Как у него возникло его скотское желание и он обманом увел мальчика со двора. Как заманил его в сарай, в котором предварительно сломал замок, и как надругался там над ребенком... Поверьте, ребята, когда Суруляк с подробностями мне рассказывал, как он насиловал и душил ребенка, я сам чуть не задушил этого ублюдка. Клянусь, еле сдержался! Руки так и чесались! Я же сам отец, ты знаешь: у меня сын четырех лет. Вот и представьте теперь, каково мне было это слушать?! Мне казалось, что этот изверг издевается над моим Тёмкой, и у меня все поплыло перед глазами... А он нагло так ухмылялся и даже радовался: ну, что, мол, адвокат, деньги тебе заплачены, давай, старайся, оправдывай меня! Убить-то я убил, но улики и доказательства против меня у них нет!

– Неужели действительно ничего нельзя было сделать? – спросила я.

Павел перевел на меня взгляд своих выразительных темных глаз, вздохнул и опустил голову:

– Вы же были на суде и все слышали. Нет, поверьте мне: ничего!.. Суруляк намекнул, что его братец, владелец ночного клуба, подкупил кого надо... В общем, анализы, похоже, подменили. Да и свидетельница, вначале указавшая на этого урода, потом «вдруг» засомневалась...

– Ты, Паш, на грубость нарываешься!.. Ты что, не мог сказать следаку, что подозреваемый сам признался тебе в преступлении? – спросил Антон.

– Какой ты умный, Тоша! Не мог. Мои слова – это не доказательство. Это всего лишь слова. Что бы я сказал следователю? Как в том фильме – «Место встречи изменить нельзя»? «...Что, со слов Маньки-Облигации, вор Копченый подарил ей браслет? Да кто мне поверит?!..» Слова, как известно, к делу не пришьешь. А доказательств у меня не было. Суруляку действительно помог его братец, и хорошо помог. Анализ крови подменили, как пить дать. Соседка вот тоже... Тварь! Думаю, и ее купили. То ли он, говорит, то ли не он... Похож, говорит, но точно, мол, сказать не берусь. Сомневается она, видите ли! А сначала дала другие показания... Да что я вам рассказываю, вы же сами были в суде и все слышали. И что я мог при таком раскладе? Или вы думаете, мне доставляло удовольствие защищать этого ублюдка?! А если бы я его, как ты говоришь, задушил своими руками, то сейчас сам сидел бы на скамье подсудимых. Чем бы я оказался лучше этого Суруляка?.. Тьфу, черт! Су-ру-ляк... Фамилия-то какая противная! На слизняка похоже, даже произносить мерзко...

Павел поморщился и потянулся к кофе.

– Значит, вот так, да? На свободу – с чистой совестью? – Ярцев нервно постукивал ложечкой по столу. – И что теперь? Спустить все этому уроду с рук? Забыть? А может, и простить? Сейчас эта мразь гуляет, небось, в ресторане с друзьями, водку пьет, шашлык жрет и жизни радуется! И тому, как он всех «сделал» там, в суде... А вы подумали, каково сейчас родным убитого мальчика? Его матери, отцу, бабушке?! Они... да они сейчас, наверное, второй раз его похоронили! Потому что убийцу их ребенка оправдали. Еще и признали за ним право на реабилитацию! Перед этим гадом теперь что, еще и извинятся? Денежную компенсацию ему дадут за моральный вред? Сколько он там провел в КПЗ? Полгода, кажется? Или больше?

– Таков закон, – вздохнул адвокат.

– Нет, каково родным мальчика, я вас спрашиваю?! – продолжал кипятиться Ярцев.

– Риторический вопрос. – Я допила свой кофе и отодвинула пустую чашку.

– Ах, риторический?!..

– Антон, тише. Успокойся, наконец. Что мы можем сделать?

– Нет, Полин, мне это нравится! Что мы можем сделать?! Лично я сейчас поеду в редакцию и напишу в своей статье всю правду.

– О чем? – спросил Павел. – О том, что Суруляк признался мне в преступлении? Брось, Антон: тебя обвинят в клевете, и меня заодно. Доказательств у нас нет...

– Да плевал я на доказательства! Вот пусть следствие и ищет эти самые доказательства! Это их работа. Нет, Павел, ты как хочешь, а я молчать не буду. Надо общественность поднимать, надо потребовать провести повторную экспертизу... Несправедливо, что все так закончилось.

– Закон и справедливость часто не совпадают, а справедливость – понятие относительное...

Я не договорила, Антон перебил меня:

– Полина, ты что?! Ты хочешь сказать, что готова смириться с тем, что преступника оправдали?

Павел недоуменно посмотрел на нас:

– Антон, а при чем здесь Полина? Какое она имеет отношение к этому делу?

Ярцев усмехнулся:

– Паша, а ты что-нибудь слышал о Мисс Робин Гуд?

– Ну, слышал...

– Антон, не надо, – попросила я, но Ярцев и ухом не повел:

– И кто такая эта Мисс, как, по-твоему?

– Ты что, экзамен мне устраиваешь?

– Ответь, если не трудно, прошу тебя.

– Ну, это девушка, которая, насколько мне известно, борется со злом в нашем Горовске. Наказывает тех, кто ускользнул от правосудия... Помогает пострадавшим... и все такое...

– Правильно, – кивнул Ярцев. – Так вот, познакомься еще раз: перед тобой – Мисс Робин Гуд!

Брови Павла взлетели вверх:

– Как?! Полина?! Серьезно? Это вы?..

– Антон! – возмущенно зашипела я на Ярцева. – Кто тебя за язык тянул?..

– Да ты не кипятись, Павел – свой парень. Он – никому!..

– Нет, Полина, если это действительно вы, я очень рад нашему знакомству. Наслышан.

Впечатляет, поверьте! И позвольте пожать вашу руку...

Он протянул мне свою широкую ладонь. Я ее пожала.

В этот момент зазвонил мобильник Ярцева. Он извинился и включил телефон.

– Я... Могу. А что случилось?.. Что?! Когда?! Черт!

Мне показалось, что он побледнел. Пару минут он слушал говорившего, потом поблагодарил за звонок и убрал мобильник. Антон смотрел на нас мрачно, вернее, смотрел он только на меня. Мне показалось, что он избегает взгляда Павла. Мы ждали, что журналист нам что-нибудь скажет, но он только кусал губы и мрачнел все больше, уставившись в одну точку.

– Антон, что случилось? – не выдержала я. – Плохие новости? Да не молчи же!

– *Abyssus abyssum invocat* (Абуссус абуссум инвокат), – пробормотал он мрачно, – одно бедствие влечет за собой другое...

– С чего это ты на латынь перешел? – встревожился Павел. – Какое бедствие, о чем ты?

– Это звонили знакомые ребята из ментуры. Только что мать мальчика покончила с собой, выбросившись с балкона пятого этажа... Пришла после суда домой и... сразу...

Глава 2

Над нашим столиком повисло гробовое молчание. Мы застыли, словно статуи, не в силах пошевелиться или что-то сказать. Я почувствовала, что похолодела с головы до ног, а сердце словно провалилось куда-то в желудок. Стало трудно дышать. Наконец, я обернулась к Павлу. Он сидел бледный, сузив глаза и глядя прямо перед собой. Я почувствовала, насколько его потрясло известие Ярцева.

– Сколько ей было лет? – спросила я.

– Двадцать семь, – тихо ответил Павел.

Я покачала головой. Вспомнила эту девушку, сидевшую в зале суда на ближайшей к прокурору скамье рядом с мужем и своей матерью. Женщины плакали почти в течение всего процесса, во всяком случае, они постоянно вытирали глаза платком. Мать мальчика была худенькой, как мне показалось, очень юной и хрупкой. Она даже не смогла давать показания: ей стало плохо, и судья был вынужден сделать перерыв. Во время перерыва женщине вызывали врача...

– Ее, кажется, звали Аллой?

Никто из мужчин не ответил на мой вопрос. Ярцев кусал губы и хмурился, а Павел вдруг сказал очень тихо и твердо:

– Убью! – Пальцы его рук, лежащих на столе, сжались в кулаки, костяшки их побелели. – Клянусь вам, ребята: я убью эту мразь!

– Я помогу тебе, – заявил журналист.

Я покосилась на Ярцева:

– Как вы собираетесь это сделать?

– Там видно будет. Но спускать этому ублюдку нельзя: фактически он убил двоих. Если бы он не трогал мальчика, его мать тоже была бы жива. Бедная Алла! Представляю, что она испытывала, пока летела вниз тринадцать метров... Тринадцать метров!!! Это же так много... А потом – асфальт... – Антон обхватил голову руками.

– Согласен, – кивнул Павел, – как адвокат, я его защищал, но как человек и отец, не могу допустить, чтобы эта мразь гуляла на свободе. Кто станет его следующей жертвой? Чей сын? И сколько матерей теперь будут бояться выпускать своих детей из дома?

– Может, пойдем отсюда, – предложила я, – мы уже все съели и выпили.

Я покосилась на нетронутый десерт адвоката.

Мы вышли на улицу и остановились возле машины Павла. У него был не очень новый, но довольно приличный «Фольксваген» цвета ультрамарин.

– Впервые вижу адвоката, который собирается кого-то убить, – сказала я, усмехнувшись, – может, вы все-таки предоставите это дело отцу мальчика? По-моему, у него теперь появились довольно веские причины для мести этому Обмылку.

Павел отрицательно покачал головой:

– Знаете, Полина, не каждому это дано. Я имею в виду способность ответить ударом на удар, выбить зуб за выбитый зуб. А уж тем более убить человека! Был у меня один подзащитный, неплохой, в общем-то, парень, обвиняли его в заказном убийстве. А заказал он соседа по коммуналке, который периодически его избивал. Я спрашиваю моего подзащитного: сколько раз он вас избивал? Тот говорит: много, раз десять, может, и больше. Причем конкретно так избивал, до крови, до членовредительства. Выбил ему несколько зубов, один раз челюсть сломал... Я спрашиваю: а вы его хоть раз в ответ ударили? Тот посмотрел на меня испуганно и говорит: нет, мол, я его не бил. Не могу, говорит, поднять руку на человека. Я ему: да какой же это человек, если он позволяет себе избивать беззащитного? И как вы могли столько времени сносить эти побои и унижение? Дали бы хоть раз сдачи! А тот свое: не могу бить, и все! Терпел-терпел, потом взял да и заказал драчливого соседа какому-то алкашу...

– И что алкаш? – заинтересовался Ярцев.

– Согласился дать тому соседу бутылкой по башке в темном подъезде. За двадцать тысяч.

– Рублей? – уточнила я.

– Естественно. Для алкаша и этих денег было много.

– И что? – не вытерпел Ярцев.

– Убил. Нечаянно. Не хотел, говорит, совсем-то, хотел только башку ему разбить, отправить на пару недель на больничную койку, чтобы тот подумал о своем недостойном поведении. А тот тип, падая, еще и о ступеньки виском хорошо приложился... Но я не об этом. Я о том человеке, которого били, а он не мог дать сдачи.

– Ты думаешь, отец мальчика тоже такой... нерешительный?

– Думаю, да. Мне приходилось беседовать с ним. Я приходил к родителям погибшего мальчика домой. Мать не стала со мной говорить, не смогла. Накричала на меня, что я, такой-сякой, защищаю всякую сволочь, которую надо убивать без суда и следствия. Потом разрыдалась и убежала в другую комнату. А отец остался, хотя, я чувствовал, ему это далось непросто. Он сидел и тихо ненавидел меня. Прятал взгляд... Но, как человек интеллигентный, терпел. Даже на вопросы отвечал. Я, говорит, вас понимаю: вы свою работу выполняете. А голос такой сдвленный. И еще он, по-моему, рукой за сердце держался.

– Значит, отец мальчика не станет сам убивать Суруляка? – подытожила я.

– Вряд ли. Хотя... Разные бывают случаи. У меня еще один подзащитный был – такой тихоня! Доходяга-очкарик, лет девятнадцати. На вид больше четырнадцати ему никто не давал. Тощий – за шваброй не видно. А когда отчим начал избивать его мать, он схватил нож и нанес тому двадцать восемь ударов! Просто дуршлаг из его живота сделал! Вот вам и тихоня!

– Оправдали? – заинтересовался опять Ярцев. Ему, как профессионалу, все нужно было знать, он постоянно выискивал темы для статей.

– Условное дали. Хотя прокурор очень напирал, уверяя, что был точный расчет на убийство... Но я сумел доказать состояние аффекта.

– Молодец ты все-таки, Паша! – с некоторой неохотой выдал из себя Ярцев. – А как насчет Обмылка?

Павел посмотрел на часы:

– У меня через десять минут встреча с клиентом, я, честно говоря, уже опаздываю. Давайте так: Полина, вот моя визитка, здесь телефоны... У Антона мои координаты есть. Созвонимся сегодня вечером и договоримся о встрече. Я, конечно, очень занятой человек, но ради такого дела сумею выкроить часок. Так как?

Я кивнула:

– Созвонимся.

Павел прыгнул в свою машину:

– Тогда до встречи!

Ультрамариновый «Фольксваген» рванул с места и через несколько секунд скрылся за углом.

– Мне тоже пора, – сказал Ярцев. – В редакции уже заждались меня. Да и материал надо готовить... Подбросишь?

Я отвезла Ярцева в редакцию в своей машине. Всю дорогу мы продолжали обсуждать сегодняшние события. Антон предлагал подкараулить Суруляка и ночью в подъезде дать ему по башке чем-нибудь тяжелым, типа бутылки или монтировки. Как тот алкаш – драчливого соседа... Или испарить ему весь живот ножом. Павел, мол, в случае чего, обеспечит нам условное, доказав состояние аффекта. Но я все эти предложения отвергла сразу. Ни дубасить Обмылка по голове, ни дырывать его ножом я не собиралась.

– Антон, пойми: Суруляк должен получить то, что он сделал сам. Как в «Старом Завете»: око за око, зуб за зуб... Если бы он треснул кого-то по башке, тогда и сам мог бы рассчитывать на то же самое.

– Я надеюсь, ты не собираешься простить ему?

– Ни за что! Принцип неотвратимости наказания – вот мой девиз! И ты это знаешь. Но Суруляк должен получить исключительно то, что он причинил.

– Полина, ты хочешь его... хм... изнасиловать?

– А почему бы нет?

Антон подозрительно покосился на меня.

– А потом выбросить с балкона?

– И именно с пятого этажа. Тогда это будет справедливо. Пусть испытает на себе все те «удовольствия», которые он доставил другим!

– Круто! Ну, Мисс, вам, конечно, виднее. Только ведь Суруляк насиловал маленького мальчика. По сравнению с ним...

– Его будут насиловать такие большие дяди, по сравнению с которыми он сам окажется маленьким мальчиком.

Антон с еще большим подозрением посмотрел на меня.

– А потом, значит, мы его того... с балкона?

– И именно с пятого этажа, не меньше! И во время полета пусть подумает о молодой девушке, которая проделала тот же путь. Если успеет...

– А что, это конкретно! Ты права: дубиной по башке для такого урода – это слишком просто и быстро. Бац – и лежишь себе в отключке! Ни страха, ни боли. А тут... Точно! Давай сделаем, как ты сказала. А я готов помочь всеми доступными мне силами.

У редакции я высадила Антона и отправилась к себе, в коттеджный поселок.

* * *

В поселке у нас прекрасный дом – большой, просторный, красивый, с камином в одной из гостиных и с русской печкой на кухне. Всего в доме три гостиных. Эти комнаты успела оформить моя мама. В память о тесноте нашей квартиры родители запланировали на первом этаже целых три гостиных: для своих гостей, для дедушкиных и для моих. Спальни располагались на втором этаже и считались личной территорией. Идея с гостинными казалась удачной, не надо было спорить и по поводу оформления комнат: для себя мама и папа выбрали модный тогда стиль кантри; дедушка предпочел роскошный рококо, я – лаконичный хай-тек. Зато теперь каждого гостя можно было принимать в наиболее желанной для него обстановке.

Ариши не было дома. Дед, должно быть, как всегда, тусовался где-нибудь у своих приятелей. Я переоделась в домашний халатик, включила кофеварку, микроволновку, поставила в нее на разогрев блинчики с мясом. Пирожные, съеденные в кафе, давно испарились из моего организма, и он настойчиво заявлял мне об этом.

Дед появился, когда я доедала последний блинчик. Он вошел в кухню и удивленно вскинул брови:

– Бонжур, Полетт! Приятно видеть, что у молодой девушки такой здоровый аппетит!

– Привет, дедуля. Тебе блинчики разогреть?

Впрочем, деда можно было не спрашивать. Он с удовольствием ел все, приготовленное мной. Главное, чтобы ему самому не приходилось стоять у плиты и работать ножом за разделочной доской.

Четырнадцать лет тому назад, когда мы с Аришей остались одни, осиротев по вине пьяного прокурора, сбившего на своей машине моих родителей, мы стали маленькой семьей. У

деда была я, а у меня был дед, Аристарх Владиленович. Мы нежно любили друг друга, и каждый заботился о другом.

Та страшная ночь, когда погибли мои родители, осталась в моей памяти навсегда. Мои папа и мама строили загородный дом, устав от тесноты городской квартиры, где у них даже не было своей отдельной комнаты. Просторный двухэтажный коттедж был практически готов. Отделка и подведение коммуникаций завершены. Оставались формальности с продажей квартиры, и в коттедж можно было перебираться окончательно. Впрочем, в восторге от этого события были в основном родители и дед, я же переживала: все мои подруги оставались в городе...

Мы втроем возвращались домой. Папа посадил меня у нашего дома, а сам с мамой поехал в гараж, поставить машину. Я не успела войти в подъезд, и все произошло у меня на глазах. Машина развернулась и медленно поехала. Перед выездом со двора папа притормозил, дождался, пока загорелся зеленый глаз светофора, и стал аккуратно выруливать на главную дорогу. Дальше все произошло как в кошмарном сне. Мелькнувшая черной молнией машина, сильный удар, яркое пламя, темные силуэты на этом ослепительном фоне... Как я оказалась возле дороги, помню смутно. Стоять было трудно, хорошо, что позади меня оказались кирпичная стена дома. Я почти слилась с нею в темноте... Вокруг меня мечутся люди. Одна я стою. Я на грани обморока. Промчавшаяся черной стрелой машина главного прокурора города врезалась в папин автомобиль, выезжавший задом со двора, и отбросила ее к столбу. От сильного удара наша машина загорелась. Родители живьем сгорели у меня на глазах. Мне было четырнадцать лет...

Пока разогревались блинчики, Ариша вымыл руки, переоделся в домашний короткий халат и брюки и сел к столу с газетой.

– Дед, убери свою периодику. Ужин почти готов.

– Да, ма шер, одну секунду, только посмотрю, какие в нашем городе последние новости...

– Я тебе и так скажу. Самая главная новость сегодняшнего дня: суд оправдал человека, подозреваемого в зверском убийстве пятилетнего мальчика. Помнишь, несколько месяцев тому назад газеты о нем писали?

– Что ты говоришь, ма шер?! Как это – оправдали?! Насколько я знаю, там все было ясно, как божий день. Я читал статью... И свидетельница, кажется, его опознала...

– Вот так – взяли и оправдали... Анализы показали, что «следы», обнаруженные на месте преступления, обвиняемому не принадлежат, а свидетельница «вдруг» засомневалась... Я сегодня была на том суде, вместе с Ярцевым. А что ты удивляешься, дед? Хочешь сказать, в нашей с тобой жизни не было подобной истории?

... Тогда прокурору удалось избежать наказания. В действиях его водителя, катавшего в тот вечер своего пьяного хозяина, состава преступления не нашли. Виновником происшествия признали моего папу. Экспертиза показала, что в его крови находился большой процент алкоголя, к тому же и главный прокурор, и его водитель в один голос утверждали, что мой отец на огромной скорости выехал на запрещающий сигнал светофора.

Дело замяли, но мы, как наследники виновников происшествия, должны были выплатить компенсацию за ремонт прокурорского автомобиля. Наследники – это мы с дедушкой. Мы продали квартиру и смогли расплатиться с убийцей. Оставшуюся сумму и все остальные весьма немалые семейные накопления дед дальновидно вложил в акции одной из самых прибыльных российских компаний. В то время этот поступок многим показался опрометчивым, сейчас же он приносил нам весьма неплохие дивиденды, я могла даже позволить себе не работать.

Тогда, четырнадцать лет тому назад, увидев нашу горящую машину, дед решил, что я тоже погибла вместе с мамой и папой. Для него было настоящим чудом – найти меня у стены дома, онемевшую, в шоковом состоянии. Дед взял заботу обо мне на себя. Он не просто заменил мне родителей. Он дал мне прекрасное образование: оплачивал учебу в элитной школе

с углубленным изучением иностранных языков. Потом я поступила в вуз, только что открывшийся в городе, причем на самый престижный факультет.

После института я какое-то время работала на кирпичном заводе «Красный Октябрь» юрисконсультom, пока не поняла, что сидеть каждый день с восьми до пяти в четырех стенах и делать одну и ту же монотонную работу, подчиняться начальству и выполнять его требования – все это не для меня. Проблем с деньгами у нас, в общем-то, не было. Акции приносили нам весьма неплохие дивиденды, составляя львиную долю наших доходов. С завода я уволилась.

К тому времени я сумела отомстить прокурору, причем так виртуозно, что сама осталась как бы ни при чем. Конечно, свою месть я осуществила не в одиночку, мне помогали мои друзья: мой дед, подруга Алина Нечаева и хороший друг моего отца, полковник ФСБ Курбатов Сергей Дмитриевич. И хотя я не сомневалась в умении этих людей держать язык за зубами, по городу поползли слухи, что кара настигла прокурора не сама по себе. Если это и была воля провидения, то ему явно кто-то посодействовал.

С тех пор моим занятием стало помогать людям, попавшим в такую же ситуацию, как и мы с Аришей четырнадцать лет назад. Если правоохранительные органы не имели возможности или желания помочь им, за дело бралась я. Надо сказать, что интересовали меня только серьезные дела. Такие бытовые неурядицы, как семейные скандалы, разводы или измены супругов, я отметала напрочь. Нечего размениваться по мелочам. Я, как говорят заядлые картежники, «играла по-крупному».

Мой дед по вечерам пропадал в казино. Надо сказать, что он – заядлый и весьма виртуозный карточный игрок, интриган и ворчун. Наверное, отчасти я пошла в него, потому что по своей натуре я тоже люблю интриги, вот только не ворчу, а картам предпочитаю игру на саксофоне.

– ...Хочешь сказать, в нашей с тобой жизни не было подобной истории?

Ариша вздохнул и отложил газету:

– Неужели его все-таки оправдали? И чем сие аргументировали? Анализами?

– Дед, ты знаешь такого адвоката – Павла Аржанова?

– Гм... Слышал. Говорят, молодой, но подает большие надежды.

– Вот он и постарался. Оправдал обвиняемого, что называется, вчистую. Правда, с ним трудно было бы не согласиться: улики и свидетели преступления нет. Мне сегодня повезло – познакомился с этим самым Аржановым.

И я рассказала деду, как проходил сегодняшний процесс в суде, как потом Ярцев познакомил нас с Павлом в кафе, как мы узнали о гибели матери мальчика и как Павел дал клятву расправиться со своим подзащитным самолично.

– Полетт, в первый раз слышу, чтобы адвокат давал клятву убить человека!

– Не человека, дед, а преступника. Что называется, почувствуйте разницу. И потом, он ведь наверняка знает о том, что Суруляк виновен: тот сам ему признался... А то, что преступление не удалось доказать... Это говорит только об одном: следственный аппарат работает из рук вон плохо. Анализы подменили, свидетельницу подкупили... Тебе не кажется, что все это очень похоже на нашу историю, случившуюся четырнадцать лет тому назад?

Ариша пожевал губами, покачал головой, поерзал на стуле.

– И ты, конечно же, решила во все это ввязаться?

– А почему бы нет? Дедуль, я сейчас все равно скучаю без дела. А тут... Помогу людям отомстить за смерть их близких.

– Но они тебя об этом не просили!

– Дедуль, на этот раз я всего лишь помогу Павлу, это он дал клятву лично расправиться с насильником и убийцей.

– Полетт, ты забываешь, что у этого Су... как его?... Слизняка, короче, брат – небедный человек. Он может вступить за своего родственника.

– И что? Дедуль, не переживай: мне такое не впервой...

Надо сказать, что робингудство было единственным моим занятием, которое заставляло меня выходить из дома. Если бы не это, я так и не вылезала бы из кресла перед камином. И Алина, с которой мы дружим до сих пор, совсем бы запилила меня.

Павел позвонил почти в девять часов:

– Полина, я только что освободился. Предлагаю встретиться... Где бы вы хотели?

Встать с дивана и выходить из дома в такое позднее время мне совсем не улыбалось. Но встретиться и поговорить с адвокатом было просто необходимо.

– Павел, а вы могли бы подъехать ко мне? – спросила я.

– Куда?

– В коттеджный поселок.

Он на мгновение задумался, потом уточнил номер нашего дома и попросил ждать его минут через двадцать.

Когда у ворот притормозил ультрамариновый «Фольксваген», дед пошел открывать вместе со мной. Он, конечно же, подслушал мой разговор по телефону и понял, что я жду в гости молодого человека.

Павел перешагнул порог нашего дома и, увидев Аришу, поздоровался с ним за руку. Мне пришлось представить их друг другу.

– Может, чай? – спросила я Павла. – Или кофе?

– Или.

– Тогда пройдемте на кухню.

Услышав такое, Ариша, извинившись, с самым довольным видом удалился в свою комнату. Он давно мечтал выдать меня замуж и нянчить правнуков, и появление в доме молодого мужчины расценил по-своему.

Я усадила адвоката за стол и включила кофеварку. Достав из буфета пачку печенья, поставила на себя за то, что не купила по дороге домой чего-нибудь вкусенького на десерт. Но неожиданно Павел вынул из своего пакета коробку конфет и тем самым спас положение. Я поблагодарила его, а он тут же вскрыл упаковку и придвинул коробку ко мне.

– Полина, я надеюсь, вы не передумали... помните, о чем мы с вами говорили сегодня днем в кафе?

Он с некоторой опаской оглянулся на дверь.

– Павел, в этом доме вы можете смело говорить о чем угодно. Мой дед никогда не подслушивает, а если случайно и услышит о чем-то, то, уверяю вас, тут же и забудет.

Адвокат кивнул:

– Хорошо. Так вот. Я, как вы помните, поклялся убить этого урода... И я не собираюсь отказываться от своих намерений! И если вы, Полина, поможете мне...

– Разумеется, помогу. И в связи с этим, Павел, у меня к вам вопрос: что представляет собой семья мальчика? Все-таки вы бывали в том доме и наверняка составили свое мнение.

– Да, мне пришлось побывать у них пару раз. Хотя каждый раз я приходил с тяжелым сердцем. Поверьте, мне самому было до жути противно защищать Суруляка, а уж после того, как он мне во всем признался!.. Я видел в доме пострадавших фотографии убитого мальчика – и на стене, и на столе, и в серванте – почти повсюду. Похоже, его очень любили и родители, и его счастливая бабушка... Тогда счастливая. – Павел тяжело вздохнул.

– Как его звали?

– Артемкой, как и моего сына... А вы знаете, он был маленького роста, наверное, в маму пошел. Если вы видели на суде его мать, то заметили, что она очень миниатюрная. Так вот, и Артемка был маленьким, на пять лет он совсем не выглядел. Во дворе все звали его «Кин-

дер-сюрприз». Он был не по годам смышленным и забавным. Бабушка рассказывала, что мальчика все очень любили. Я имею в виду их соседей по дому.

– Почему же родители отпускали ребенка одного во двор?

– Один он гулять начал незадолго до того, как... все случилось. До этого ходил только с мамой или бабушкой. Но, говорят, уж очень он был самостоятельным и, главное, послушным. Вовремя возвращался, со двора никуда не выходил, играл только со своими ребятами. Вот бабушка и начала потихоньку отпускать его одного. Говорит, она зато часто поглядывала в окно – у них квартира на втором этаже, окна выходят на детскую площадку. И всегда ребенок был на виду.

– Что же она не предупредила внука, что уходить с чужими опасно? – продолжала сетовать я, разливая кофе по чашкам. – Сейчас такое время! Это главное правило, которому родители просто обязаны научить свое чадо.

– Не поверите, Полина, – научила! Клянется-божится, что каждый раз, провожая внука гулять, напоминала ему об этом. И он всегда уверял, что никуда не пойдет, будет с мальчишками строить крепость во дворе. Что еще удивительно: на лавочке возле подъездов всегда сидят какие-нибудь бабушки, следят за своими внучатами. Собственно, поэтому мальчика и отпускали одного, знали, что он на виду у соседок. А в тот день, как нарочно, и бабушек не было!

– Как же удалось Обмылку увести мальчика? Что он ему напел?

– Этот гад оказался хитрым! Артемка, помня наставления родителей, сначала отказался с ним пойти, на всякие там жвачки-сосачки не купился. И тогда Суруляк сказал, что рядом, буквально в соседнем дворе, на свалку выбросили ящики и доски. Это, мол, пойдет для строительства их крепости. Мальчик, глупыш, так обрадовался: у них как раз стройматериала не хватало. Суруляк, когда рассказывал мне об этом, довольно потирал руки и ухмылялся: вот какой, мол, я сообразительный!

– Сволочь! – невольно вырвалось у меня.

Павел кивнул:

– Еще какая! Как я тогда удержался и не врезал ему – не знаю! И, между прочим, я следователю намекал... да что там – намекал, прямо говорил, и не раз, что доказательная база у них слабая. Поработайте, говорю, как следует. А он: а что, мол, я могу сделать? Все, что можно было нарыть, мы нарыли. Еще и удивлялся: а ты, говорит, с чего это так печешься о доказательствах? Тебе же только на руку, что их мало. Идиот!.. Так что мы будем делать с этим уродом, Полина?

– Мне для начала надо все хорошенько обдумать. Браться за дело с налета – не мой метод. Я должна владеть всей информацией, которая может помочь нам раздавить эту гадину.

– В этом у вас недостатка не будет. Я имел доступ к материалам и знаю все, что нам необходимо.

– В таком случае можете мне назвать фамилию эксперта, делавшего анализ крови?

– Чепуров И.Д. Так в заключении было написано.

– Чепуров, Чепуров... Что-то знакомое. Где-то я сегодня эту фамилию уже слышала...

Я задумалась на минуту и вскоре вспомнила:

– Ну, как же! Мы с Ярцевым в кафе разговаривали, после суда, и он рассказал, что сталкивался с Суруляком и раньше. Года четыре тому назад тот проходил по делу ограбления одного парня. Они тогда с подельником вдвоем его избили и грабанули. А Антон писал об этом. Точно! Он так и сказал: «Не было ведь доказано, что он лично избивал того парня, к тому же его подельник... кажется, Чепуров была его фамилия... Так вот, этот Чепуров почти все взял на себя».

– Полина, вы думаете, это не совпадение?

– А вот это предстоит проверить. И это я беру на себя. Конечно, все может быть, но я, честно говоря, в совпадения не верю.

Мы немного помолчали.

– Павел, а как бы вы расправились с вашим бывшим подзащитным?

– Я уже много раз думал об этом. Подкараулю Суруляка в подъезде и...

Адвокат перехватил мой укоризненный взгляд.

– Павел, и вы туда же! Ладно бы еще Антон! Журналист, почти писатель, романтик, творческая душа, тонкая натура. Потому он и хотел огреть мерзавца монтировкой по голове. И тоже, кстати, в подъезде. Но вы – адвокат! Вы должны мыслить рационально. Что вас всех в подъезды тянет? Ничего лучшего не можете придумать?

Я была несколько даже разочарована: не ожидала, что Павел мыслит так примитивно. Но он вовсе не обиделся:

– А чего же вы хотите, Полина? Многие преступления совершаются в подъездах и темных закоулках.

– Нет, я категорически против! Я и Антону говорила о том же: Суруляк должен получить то же самое, что он сделал мальчику. Поэтому ни подъездов, ни бутылок, ни монтаровок – насилием его и выбрасываем с балкона! С пятого этажа. Как говорится, простенько и со вкусом. Кстати, Павел, раз уж мы собираемся вместе устроить такое большое дело, предлагаю для начала перейти на «ты»: согласитесь, как-то нелепо «выкать» друг другу, когда речь идет о столь неординарных вещах.

Мой собеседник кивнул:

– Честно говоря, я и сам хотел предложить это вам... тебе, но стеснялся.

Когда поздно вечером Павел покидал наш дом, Ариша тоже вышел проводить его. Сделал вид, хитрец, что хочет подышать вечерним прохладным воздухом. Адвокат сел в свою машину и вырулил со двора. Я закрыла ворота и вернулась на крыльцо.

– Полетт, это можно расценивать как романтическое свидание двух молодых свободных людей, которые тянутся друг к другу?

– Это можно расценивать как деловую встречу двух молодых людей, объединенных задачей мести подонку, убившему мальчика.

– Полетт, ты хочешь сказать...

– Это адвокат Аржанов, защищавший насильника в суде. Завтра прочтешь подробности в газете.

– Нет, ну, это несерьезно! Полетт, ты разочаровала меня. А я-то, старый, так обрадовался! Думал, к тебе пришел в гости молодой человек...

– Дедуль, у него, между прочим, семья, сыну четыре года.

– Да, у него – семья! А у тебя?! Ты не думаешь, что тебе тоже пора, наконец, заиметь такого красавца со штампом в паспорте и нарожать от него детей?

Это было у Ариши чем-то вроде хобби: периодически напоминать мне о необходимости срочно выйти замуж и нарожать кучу ребятишек. У меня же с этим имелись некоторые проблемы. Нет, недостатка в ухажерах как таковых у меня не было, только никто из них не мог завоевать моей симпатии. Я так и отвечала всегда деду, а он сокрушался, что я слишком завысила планку, слишком уж требовательно отношусь к своему будущему избраннику. Я так не думала. Просто в нашем Горовске, по-моему, нет достойных молодых людей, здесь собрались в основном лишь какие-то мелкие и серые представители мужской половины рода человеческого.

– Дедуль, поздно уже, давай завтра поговорим. А то спать хочется...

– Так он женат?

– Да.

– Очень жаль. Такой красивый и интеллигентный молодой человек! И к тому же адвокат!.. Очень жаль...

Ариша еще некоторое время кряхтел и вздыхал, сидя на кухне, а я тем временем поднялась к себе в комнату и начала готовиться ко сну.

Глава 3

Следующий день начался не совсем для меня удачно: с утра приехала моя подруга Алина. Она ворвалась в наш дом, как ураган, и с порога засыпала меня вопросами:

– Столько дней не виделись! Как ты тут без меня? С креслом своим еще не срослась? А Аристарх Владиленович как? Надеюсь, здоров?

Едва я открыла рот, желая ответить на ее вопросы, как Нечаева круто сменила тему:

– А я только что с выставки изобретений. Там так все здорово! Ты даже себе не представляешь, что только наши люди не изобретают! Я и вчера там была и познакомилась с одним таким гением. Он – ты очень удивишься – однофамилец знаменитого русского изобретателя, Кулебякина!

Я попыталась вспомнить, что это за изобретатель такой – Кулебякин. Потом сообразила, что, очевидно, Алина имела в виду Кулибина.

– Пойдем в кухню, кофейку попьем, – предложила я, – у меня и конфеты есть.

Едва я включила кофеварку, как Алина снова затарыхтела без умолку:

– Этот Кулебякин – ты снова удивишься: его Прохором зовут... Так вот, он изобрел столько всего полезного для человечества!

– Что, например? – уточнила я.

– Да много чего! Например, клаксон с запахом.

– И для чего же это надо было изобретать? – удивилась я.

– Полин, ну, какая ты недогадливая! У нас по улицам ходит много слабослышащих людей. Они, к твоему сведению, вообще не слышат сигнал приближающейся машины! Когда машина подъезжает к такому глухому пешеходу, водитель нажимает на специальную кнопку, и впереди машины распространяется едкая вонь. Пешеход, учуяв ее, понимает, что рядом – машина, и быстро убегает с проезжей части.

– И что, на такую... такое... дали патент?! – поразилась я.

– Нет, патент, к сожалению, не дали. А на выставке такой клаксон был, я сама видела. А еще Прохор изобрел носки, которые надевают только на пальцы.

– Как? – не поняла я.

– А вот так! Прохор говорит, что надо экономить. Сами ступни ведь не мерзнут в мороз, если ты заметила. Мерзнут только пальцы. Вот он и придумал такие носочки, которые прикрывают только пальцы ног. А главное, стоят они сущие копейки!

Насчет того, что ступни не мерзнут, – это замечание, по-моему, было весьма спорным, но возражать подруге я не стала.

– И как носки? Пользуются спросом у мерзнущего населения?

– К сожалению, не очень... Люди почему-то не поняли своей выгоды... А еще мой Кулебякин изобрел очки с фонариками.

– А зачем нужны очки с фонариками? У нас на улицах и так достаточно светло...

– Какая ты непонятливая, Полина! Светло, да не везде. Есть и темные подворотни, гулять по которым небезопасно!

Пришлось с ней согласиться во имя сохранения нашей дружбы. Если начать спорить с Алиной, можно запросто посориться с ней.

– И где же у этих очков располагаются фонарики?

– На оправе. Только не фонарики, а лампочки. Они работают от батареек... там еще есть такие длинные проводки... А сами батарейки в карманах... В общем, я не очень в этом разбираюсь.

– И как прогулки по темным закоулкам? Я имею в виду в очках-фонариках?

– Клево! Выхиливаешь, такая... и вокруг – светло. Прикольно! Загвоздка в одном: если пойдет дождь, владельца очков бьет током. Так что под дождем не погуляешь!..

– Жалко. Но все равно, твой Кулебякин – настоящий гений!

– А я что говорю! Прохор – это... Прохор! – глубокомысленно изрекла подруга, и не согласиться с нею было бы трудно. – Слушай! Так ведь есть же общество по защите изобретателей! – спохватилась вдруг Нечаева.

– А от кого их надо защищать? – не поняла я. – Разве на них кто-то нападает?

– Спрашиваешь! Еще как нападают! Эти самые... которые патенты выдают! Вот бессовестные и безмозглые люди! Те изобретают, стараются ради всего человечества, а эти... Слушай, ты ведь тоже можешь вступить в это общество! Я вот, например, вступила, еще вчера. Мы сейчас готовим акцию поддержки этих самых изобретателей... Лозунги рисуем, плакаты. Потом пойдем к дому этих самых... патентников... патентщиков, или как их там... и выступим! А что? Сидеть сложа руки и смотреть, как наши отечественные изобретатели умирают непризнанными, а их гениальные изобретения выбрасывают на помойку?! Так что мы молчать не будем! После акции поддержки мы еще проведем митинг и во все издания разошлем письма...

Нечаева была в своем репертуаре. Выступать в акциях протеста и стоять в пикетах было ее излюбленным занятием.

Мы пили кофе, и Алина еще некоторое время пела хвалебные псалмы своему новому кавалеру. Наконец, она соизволила снизойти до моих земных забот.

– Слушай, я даже забыла спросить: а ты-то как?

– Кажется, назревает новое дело.

Я коротко рассказала Алине о событиях вчерашнего дня.

– Так этого урода оправдали?! Нет, ну, есть вообще в этом мире справедливость, а?! Будешь разбираться с ним, можешь смело рассчитывать на меня. И на моего Прохора.

Я поблагодарила подругу и пообещала обязательно воспользоваться ее предложением. Уж в чем, в чем, а в этом Алине не откажешь. Она всегда поддерживала меня, помогала по мере сил, и за это я готова была простить ей ее маленькие слабости. К тому же, у Нечаевой было полгорода знакомых, и она время от времени сводила меня с очень нужными людьми, также оказывающими неоценимую помощь в моем деле.

Напившись кофе с конфетами, оставшимися от вчерашнего визита адвоката, Алина отправилась восвояси, туманно намекнув, что у нее еще есть какие-то неотложные и очень важные дела. Надо сказать, что моя подруга, так же, как и я, не работала в общепринятом смысле слова. Ее мама, удачно выйдя замуж за весьма богатого итальянца, время от времени поддерживала свою дочь в денежном плане, и Алина могла позволить себе вести весьма праздный образ жизни.

Проводив подругу и пообещав ей непременно вступить в общество защиты изобретателей и рационализаторов – чуть позже, я закрыла за ней дверь и поднялась в свою комнату. Набрала номер дяди Сережи.

– Здравствуйте, дядя Сережа.

Он, как всегда, обрадовался моему звонку:

– Здравствуйте-здоровствуйте, Мисс Робин Гуд! Как ваши дела?

– Дядя Сережа! Нужна ваша помощь!

– Всегда рад оказать тебе добрую услугу, Полина. Что, опять отрыла топор войны? Кого собираешься покарать на этот раз?

Я коротко рассказала дяде Сереже о вчерашних событиях.

– Ну, ради такого дела я готов даже бросить все свои занятия!

– Все не надо. Узнайте только, если можно, не является ли эксперт Чепуров И.Д. родственником Чепурова, осужденного года четыре тому назад за разбойное нападение? С ним по делу проходил этот самый Суруляк Степан Иванович.

– Хорошо, Полина, узнаю обязательно и сам перезвоню тебе. Передавай привет Аристарху Владиленовичу.

– Всенепременно.

Я положила трубку и забралась в кресло с ногами – подумать. Итак, что мы имеем? А имеем мы мерзавца, который уже однажды был замешан в преступлении, – вспомним ограбление четырехлетней давности. Тогда ему удалось отвертеться от настоящего наказания, он получил лишь условное и, похоже, так ничего и не понял. Я всегда считала, что безнаказанность порождает у людей ощущение вседозволенности и ведет к новым преступлениям. Пожалуйста! Прошло четыре года – или чуть больше, – и мерзавец снова вступил на тот же путь. Но теперь он решил «примерить» на себя статьи посерьезнее – за насилие и убийство ребенка. Это уже не уличный мордобой, где ты дал по физиономии, а потом, возможно, дали и тебе. Тут срок намного «тяжелее».

Значит, Суруляк имеет наклонности к педофилии? И даже магазинчик завел соответствующий. Никак для себя любимого старался! Что ж, доберусь я до тебя, урод, обязательно доберусь. А для начала неплохо бы поговорить с кем-нибудь из семьи погибшего мальчика. Как там Павел говорил? Артем... по кличке «Киндер-сюрприз»? Не догадалась я вчера спросить адрес! Придется звонить Павлу сейчас. Я достала визитку с его телефонами.

– Павел? Привет. Это Полина говорит. Не отвлекаю?

– Здравствуй. Вообще-то, я сейчас занят: процесс начинается, я уже хотел телефон выключить... А что случилось?

– Ничего. Я быстро... Адрес семьи погибшего мальчика можешь дать?

– Улица Мусы Джалиля, сорок девять. Квартира пять.

– Фамилия?

– Арбенины.

– Все, спасибо.

Я отключилась. И под каким, интересно, предлогом я приеду в этот дом? Кто я такая? Люди и так натерпелись такого, что и врагу не пожелаешь... а тут еще я! Ладно, поеду, а там будет видно. Сориентируюсь на месте. Не забыть бы еще выяснить такой момент: квартира Арбениных находится, как сказал Павел, на втором этаже, а мать мальчика выбросилась с пятого. Как это могло произойти? Откуда она все-таки упала?

Дом находился в хорошем тихом районе. Это была обыкновенная пятиэтажка, каких много в нашем городе. Три подъезда с неизменными лавочками возле них и с бабушками на этих лавочках. Зеленый дворик с кустами сирени и тополями, одна хилая клумба, детская площадка. На горке катались малыши, в «крепости», сложенной из ящиков, досок и прочего ненужного хлама, вели «бой» мальчишки постарше.

Возле первого подъезда, в котором, разумеется, и находилась пятая квартира, сидели две пожилые женщины и тихо переговаривались. Я подошла к ним и поздоровалась.

– Здравствуйте и вы, коль не шутите, – настороженно ответила та, что была пошустрее и постарше, лет шестидесяти пяти. Обе бабушки принялись рассматривать меня. Я решила не подниматься пока в нужную мне квартиру, а выведать все, что можно, у этих женщин.

– Извините, вы не скажете, пятая квартира находится в этом подъезде? – спросила я.

– А вам это зачем? Вы, извините, кто будете? Вы чего тут вопросы всякие задаете? – проявила бдительность «шустрая».

И, хотя вопрос я задала только один – в отличие от нее, – я смиренно ответила:

– Я из газеты «Горовск сегодня». Знаете такую?

Бабушки дружно закивали.

– Вчера был суд над убийцей Артема Арбенина. Так вот, мне поручено узнать, как в семье отнеслись к решению этого суда. Я хотела бы встретиться с родителями...

Договорить мне не дали. Бабушки, перебивая друг друга, загалдели:

– Нет уж, милая, ты туда пока не ходи! Беда у них, у Арбениных-то!.. Да-да, новая беда! Вчера, сразу же после суда, пришли они все домой, и Аллочка, мать Артемочки, с балкона выбросилась! Да, вот так-то!

– Подождите, а разве их квартира не на втором этаже? Насколько я знаю...

– Их квартира на втором, вон их окна, видите? Только выбросилась она от своей подружки, Лены Рыжих, а вот она как раз на пятом живет. Окна ее на ту сторону выходят.

– Ах, вот оно что! Вы не знаете случайно, как это все произошло?

– Знаем-знаем... Мать Аллочки сама рассказала, когда уже упала она... Аллочка после суда домой пришла, сначала села в угол и сидела там несколько минут, как неживая. Говорят, белая была, как мел. Посидела так, посидела, а потом возьми и скажи матери: пойду, мол, к Лене схожу. Они давно дружат, еще со школы... Да-да, лет двадцать дружили. Так вот, мать ей и говорит – сходи, мол, милая, развейся немного. Лена-то на суд не пошла, у нее ребенок маленький, два годика сынишке, его оставить не с кем. Муж у нее работает, а она с ребенком сидит. Так вот, Алла ушла, а через пару минут Леночка бежит по подъезду и кричит дурным голосом: «Алла! Алла!..» Все соседи повыскакивали, никто ничего понять не может. Лена добежала до квартиры Аллочки, в дверь барабанит, сама в истерике бьется... Ужас! Мать Аллы выскочила, Леночку затрясла – что, мол, случилось-то? А та кричит: «Алла с моего балкона выбросилась!» Побежали за дом, а там Аллочка лежит на асфальте, уже неживая... «Скорую» вызвали, а что толку?! Эх, Кирилловна! Бедная, бедная женщина! Сначала внука похоронила, теперь вот, через полгода, и дочь... Такое горе! Такое горе!..

Бабушки начали вытирать глаза платочками.

– С Леной этой можно поговорить, как вы считаете?

– Не знаем, милая. Попробуй. Она в восемнадцатой квартире живет.

– Сейчас она дома?

– Должно быть, дома. Она после вчерашнего еще не выходила.

Одна из бабушек открыла мне входную дверь своим ключом-магнитиком, и я шагнула в прохладу подъезда. Я поднималась на пятый этаж и думала – о чем я буду говорить с этой девушкой, только что пережившей шок? Захочет ли она вообще общаться со мной? Я бы на ее месте послала бы меня куда подальше!

Дверь восемнадцатой квартиры была самой крутой на этаже. Я нажала на кнопку звонка. За дверью долгое время была тишина, и я даже хотела повернуться и уйти, как вдруг до меня донесся слабый голос:

– Кто там?

– Извините, это из газеты «Горовск сегодня», – уверенно соврала я, – мы ведем собственное расследование по поводу гибели Артема Арбенина. Нам стало известно, что вчера...

Я не закончила фразу. Дверь открылась. На пороге стояла девушка примерно моего возраста, с грустным бледным лицом. Она была в легком халатике, босая, ее русые волосы были распущены.

– Проходите, – печально сказала она, отступая в глубь прихожей.

Даже документы у меня не спросила, подумала я и шагнула в полумрак ее квартиры.

Через пару минут мы сидели в кухне и пили чай. Вернее, пила только я. Хозяйка даже не дотронулась до своего бокала. Она сидела на стуле напротив меня и смотрела так грустно, что, казалось, вот-вот расплачется.

– Мы ведь с Аллой в одном классе учились, – говорила Лена, закалывая волосы в хвост, – а последние шесть лет даже за одной партой сидели. Дружили. В школу – вместе, из школы –

вместе... Дома тоже часто друг к другу бегали. И после школы вместе учиться пошли. В институт. Она еще на третьем курсе с Никитой своим встречаться начала. Он хороший, добрый, и Аллу очень любил. Я ей даже завидовала: такого парня отхватила! А мне долго не везло... – Лена посмотрела на свой бокал с остывающим чаем и вздохнула.

– Так Алла первая замуж вышла? – спросила я, чтобы поддержать беседу.

– Ну да. На пятом курсе. Не вытерпела. Мама ее, Мария Кирилловна, тетя Маша, короче, просила Аллу сначала диплом получить, а потом уж в загс бежать. Но та уперлась: люблю Никиту и ждать больше не хочу. И так, мол, два года встречаемся...

– Они хорошо жили?

– Очень! Правда, правда, так сейчас мало кто живет. Не ругались, все вместе решали. Никита – он такой покладистый! Не то что мой Марат. Этот, напротив, вспыльчивый, любит все по-своему делать... Ну, вот. А потом у них Артемка родился. Сразу, как только Алла диплом получила. Мы, когда ее поздравляли, все шутили: какая ты, Алла, счастливая: и диплом у тебя, и муж, и сын! И, главное, шустрая: двадцать два года, а все уже есть... – Лена снова грустно вздохнула.

– Она вчера после суда сразу пошла к вам...

– Да, я ее просила зайти, сказать, какое решение принял суд. Мы ведь даже не сомневались, что этому треклятому маньяку большой срок дадут! Мой муж говорил, что ему вообще пожизненное светит. Я-то сама на суд пойти не могла: муж работает, мои родители далеко живут и тоже работают. Мне сынишку не с кем оставить. Да и капризный он у меня, бабушки-соседки не очень-то охотно с ним соглашаются посидеть. Поэтому я осталась дома, хотя мне очень хотелось пойти на суд, посмотреть в глаза этому зверю! Но я просила Аллу, как только она вернется домой, сразу же зайти ко мне, рассказать, что там и как... Она и пришла вчера. Вижу – сама не своя. Глаза блуждают, на мои вопросы не отвечает. Усадила я ее на диван в комнате, спрашиваю: что на суде было? Какой ему срок дали?... А она молчит, будто не слышит меня. Потом говорит – тихо так, еле слышно, будто сил у нее совсем нет: дай, мол, мне водички холодненькой попить. Я – в кухню. Слышу: балконная дверь стукнула. Думала, Алла на балкон вышла, там попрохладнее, дома-то душно. Налила ей стакан, возвращаюсь в комнату, выхожу на балкон... А ее там нет! Я удивилась: куда она могла деться? Потом вдруг меня как током дернуло! Глянула я вниз, а она там лежит... на асфальте... Ужас!

Лена заплакала, закрыв лицо руками.

– Вы знаете, что суд оправдал Суруляка?

– Да. Мне потом уже сообщили... Вот скажите, как такое может быть?! Убил ребенка – и на волю! Где же на земле справедливость?! Аллочка потому и кинулась с балкона, что не смогла это пережить... Она у нас вообще такая впечатлительная! Была... Она-то надеялась, что убийцу покарают по всей строгости, а оно вон как вышло! Мы, все жильцы дома, так возмущены! Вы не представляете, какой это мальчик был! Чудо! Умненький, послушный, спокойный – весь в папу. Не то что мой хулиган. Сейчас мой сын спит, а то сами бы убедились. Только внешностью Артемка в маму пошел: маленький был. Его все во дворе «Киндер-сюрпризом» звали. А уж какой симпатяга был! Как девочка, красивый... Знаете что, вы в своей газете так и напишите: мы, все соседи, очень возмущены таким несправедливым решением суда! И еще вот что напишите: мы...

Она не успела договорить: зазвонил телефон. Девушка вскочила и побежала в комнату. С минуту ее не было. Я за это время допила чай, к которому хозяйка не догадалась предложить ничего, кроме сахара.

Лена вернулась в кухню какая-то растерянная и уставилась на меня широко раскрытыми глазами.

– Что-то случилось? – спросила я.

Она автоматически кивнула:

– Звонила тетя Маша, мама Аллочки. Только что Никиту, мужа Аллы, увезли на «Скорой» в больницу. Подозревают инфаркт. Она говорит, что пришла домой и нашла его лежащим в кухне, на полу...

Я попрощалась с хозяйкой, поблагодарив ее за чай, и направилась к выходу, спросив:

– Лена, можно взять ваш телефон? Так, на всякий случай...

Я ехала домой в своем «Мини-Купере» и переваривала полученную информацию. У меня не осталось сомнений, что Алла, мать Артема, погибла именно из-за несправедливого решения суда. Представляю, как она надеялась на возмездие! А оно взяло – и не свершилось! Да, такое бывает. Кто сказал, что жизнь справедлива? Что это вообще за понятие – «справедливость»? По-моему, каждый определяет это для себя сам, в зависимости от своих внутренних моральных норм. Если человек считает, что он не причинил никому зла и может рассчитывать на благосклонность судьбы, то, не получив эту самую благосклонность, он сетует на судьбу. Что ж, мол, ты так со мной? За что?.. Если кто-то дал человеку в ухо ни за что ни про что, я считаю, он тоже вправе дать обидчику в ухо. Пусть тот на своей шкуре прочувствует, каково это, когда тебя бьют, чтобы в другой раз хорошо подумать, прежде чем снова дать кому-то в ухо.

Что-то я в философию ударилась, нет, в игру «рассуждалки». С чего я начала?.. Ах, да! Алла погибла из-за несправедливого решения суда. Итого, мы имеем двоих погибших. И еще один лежит в больнице с инфарктом. Нет, это все уже слишком серьезно! Павел прав: такие, как Суруляк, не должны зря топтать эту землю. Если этот урод почувствовал свою безнаказанность – а он ее почувствовал, – он будет продолжать убивать и дальше. Остановить его – наш долг.

Как мы осуществим нашу месть? Пожалуй, мне стоит теперь познакомиться с самим Суруляком. Что он собой представляет? Первое впечатление о нем я получила на суде. Бегающий взгляд испуганных глаз. Я бы даже сказала: затравленный взгляд. Как у волка, которого загнали в угол и вот-вот прибьют, а тот ищет выход. Ищет во что бы то ни стало, потому что знает: из-за зарезанных овец с ним церемониться не будут. А вырвавшись на свободу, он пойдет снова резать овец, потому что природа его волчья такая... Но волк хоть убивает, чтобы жить, поэтому его кровожадность как-то оправдана природой. А что принесла Суруляку смерть маленького мальчика? Скотское наслаждение? Удовлетворение его грязной похоти? Ему что, его дамы сердца не хватало? Вон она какая большая и, как говорится, вся его. А этому уроду все мало! Интересно, мадам Курочкина знает о его так называемых наклонностях? Я имею в виду тягу к маленьким мальчикам. Или она такая наивная и верит в безгрешность своего мачо?

Итак, мне предстоит познакомиться с Обмылком. Как я это сделаю? Для начала приду в его магазин в гриме и на месте разузнаю, что там и как.

Дома я села к зеркалу гримироваться. Когда-то я закончила курсы стилистов-визажистов и теперь в своей деятельности часто пользовалась искусством макияжа. Я «нарисовала» себе лицо неопределенного возраста и пола. Потом надела джинсовые бриджи, кроссовки, майку и бейсболку. Заявиться к Обмылку мне хотелось именно в таком виде – ни мальчик, ни девочка, ни подросток, ни взрослый человек. Что-то расплывчатое и неопределенное.

Магазин «Игрушки для взрослых» находился на улице Жен Декабристов, недалеко от того места, где шел ремонт дороги, из-за чего я и попала вчера в пробку и опоздала к началу суда. Мне случалось несколько раз проезжать мимо, и я чисто машинально обращала на него внимание. Но кто им заведует, об этом, разумеется, я не имела понятия. Сейчас же я намеревалась посетить сие пикантное заведение.

Глава 4

Магазин был, в общем-то, небольшой и располагался в цокольном этаже старого кирпичного здания, рядом с другими такими же маленькими магазинчиками. За прилавком стояла сожительница Суруляка, Евдокия Курочкина. На ней было довольно-таки экстравагантное платье и как минимум полкило косметики на физиономии. Прикид ее довершала прическа, взбитая в классическом беспорядке. Создавалось такое впечатление, что женщина пару месяцев вообще не расчесывала голову.

Я зашла в торговый зал и с самым деловым видом направилась к одному из прилавков. Евдокия смерила меня оценивающим взглядом, очевидно, прикидывая, сколько мне лет. Наконец, сочтя меня вполне пригодной для того, чтобы оказаться покупательницей в ее магазине, женщина подплыла ко мне и доверительно спросила:

– Вам фаллоимитаторы?

Я обалденно уставилась на нее.

– Да вы не тушуйтесь! Я ведь вижу, что вам надо что-нибудь «эдакое». Я угадала? Вы скажите, не стесняйтесь! Мне здесь все доверяют свои самые сокровенные мечты. Если вам нужен фаллоимитатор, то подойдите вон к той витрине. Вчера привезли новые модели... Поверьте, здесь есть на что посмотреть!

Она подвела меня к витрине, при взгляде на которую я почувствовала, как лицо мое заливает краска. Искусственные мужские «достоинства», самых разных размеров, форм и оттенков, красовались передо мной. Вся моя девичья сущность бурно запротестовала против такого безобразия. Я закрыла глаза. Боже! Кто же до всего этого додумался когда-то?! Разве можно выставлять напоказ... такое?

– Или вам что-нибудь другое надо? – Евдокия внимательно посмотрела на меня. – Может, вам как раз... наоборот? Тогда вам туда...

Она указала на другую витрину, в которой красовались искусственные женские «прелести».

– А может, вам наручники показать? Или другие атрибуты «жесткой» любви? У нас все есть, на любой вкус!

«Я уже заметила», – со злой усмешкой подумала я. Курочкина водила меня по магазину, как по музею, показывая такие вещи, которые, как мне казалось, нормальному человеку не придет даже в голову выставить напоказ. Мне, девушке с тонкой душевной организацией и эстетическим воспитанием, было даже не то что бы неудобно, а совершенно дико рассматривать резиновые интимные «прелести». Но моя роль того требовала! Подавив в себе все эмоции, рвавшиеся наружу, я ходила по магазину и «любовалась» последними достижениями секс-индустрии. Я делала вид, что внимательно все рассматриваю, то кивая головой, то деловито склоняя ее набок и отступая на шаг назад.

– Так что все-таки вас интересует? Вы только скажите, не стесняйтесь! А уж мы вам обязательно подберем, – напирала на меня мадам Курочкина всем своим мощным торсом. – Поверьте, у нас есть все, на любой вкус и любую прихоть.

В этом я не сомневалась.

– Фа-фаллоимитатор, – начав вдруг заикаться, наконец, выдавила я, покраснев еще сильнее. – Мне нужен фаллоимитатор.

– Какой? – тут же уточнила въедливая продавщица. – Вам с вибратором, без?

«Да любой!» – хотела было крикнуть я, но силой воли сдержалась. Я опустила глаза на витрину, собираясь ткнуть пальцем в первую же попавшуюся вещь.

– Возьмите вот этот, – видя мое замешательство, посоветовала Курочкина, – эти расходятся на ура, как горячие пирожки. А еще есть с вибраторами. Вам показать?

Она достала откуда-то из-под прилавка то, что красовалось на витрине, и стала демонстрировать это изделие прямо перед моим носом. Я чувствовала, что нахожусь на грани обморока.

– Заверните, – сказала я, чтобы, наконец прекратить эту пытку.

Мадам Курочкина обрадовалась. Она с самым счастливым лицом принялась упаковывать товар, мило щебеча что-то насчет моего вкуса. В этот момент я увидела, как в магазин один за другим вошли двое мужчин лет сорока пяти, а за ними – сам Суруляк. Мужчины подошли к витрине с женскими попами и принялись внимательно и пристально рассматривать их, даже очки надели, а хозяин прямиком направился к Евдокии.

– С вас девятьсот девяносто шесть рублей.

Я даже сразу не поняла, что это говорят мне.

– Сколько?!

– Девятьсот девяносто шесть рублей.

Ого! Вот эта, с позволения сказать, фигня стоит почти тысячу рублей?! Однако! Что же она такого особенного делает, хотелось бы мне знать? Да за такие деньги... Но спорить или менять решение я, разумеется, не стала. Нагловатая Евдокия, хлопая своими сильно накрашенными ресницами, уставилась на меня. Пришлось достать из кармана кошелек. Ненатуральная блондинка растянула в улыбке свои яркие губки:

– Приходите к нам еще, будем рады вас обслужить!

«Очень надо!» – чуть не сказала я. – Покупать эту... гм... Это... гм... Да еще за такие деньги!» Тем не менее, я поблагодарила Евдокию и снова уставилась на ближайшую от меня витрину, делая вид, что очень интересуюсь товаром. В это время Суруляк, стоявший рядом и ждавший, пока меня обслужат, обратился, наконец, к своей пассии:

– Че, Дусь, как торговля-то?

– Хорошо, Степушка. С утра восемь фаллоимитаторов продала, из них три с вибраторами. А еще двух надувных женщин. И еще...

Она нагнулась к нему над прилавком и шепнула что-то на ухо.

– Нормально. А интим-духи как берут?

– Пока только два флакона. И один – интим-одеколон. Но ничего, распробуют, все побегут покупать! – Тут Евдокия покосилась на меня: – А вы интим-духи не желаете приобрести? Такой запах! Там женские гормоны входят в состав. Уверю вас: все мужчины начнут липнуть к вам, как мухи к меду!

Липнуть, как мухи к меду? Я «заинтересованно» посмотрела на продавщицу:

– И сколько это удовольствие стоит?

– Маленький флакон, пятьдесят миллилитров, – тысяча двести рублей. Большой, сто миллилитров, – две тысячи. Возьмите большой, это выгоднее!

Выгоднее вообще сюда не заходить, подумала я, а вслух сказала:

– Я приму это к сведению. Вот зарплату получу, приду к вам еще...

– Приходите, приходите! Мы вам подберем все, что только душе будет угодно! – заверила меня продавщица, а я усмехнулась про себя. Душе? Так вы тут, оказывается, о душе печетесь?

В это время Суруляк снова начал «тереть» со своей пассией насчет каких-то завалившихся в подсобке изделий, а я направилась к выходу, изобразив на лице удовольствие. У самой двери я обернулась: мужчины, зашедшие в магазин после меня, вертели в руках солидных размеров резиновую дамскую попу и, кажется, готовились ее купить. Бр-р!

Я села в свою машину и с отвращением забросила покупку на заднее сиденье. Посижу, пожалуй, здесь и понаблюдаю за входной дверью. Вдруг из нее покажется Суруляк? Тогда я последую за ним, может, мне удастся узнать о нем что-нибудь интересное?

Прошло чуть больше десяти минут моего наблюдения, когда зазвонил мой мобильник, и на экране высветилось «дядя Сережа». Я включила телефон:

– Слушаю.

– Полина, это я. Спешу сообщить, Мисс Робин Гуд, что ваше задание я выполнил!

– Ну, не задание, дядя Сережа! Просьбу!

– Ладно, пусть будет просьба. Итак, наш объект – Чепуров И.Д. – лаборант в криминалистической лаборатории. Его имя – Игорь Данилович. Насчет родства с Эдиком Чепуровым ты была права, он является двоюродным дядей этого криминального субъекта, дважды судимого, и оба раза – за разбойное и грабеж. Ну, о том, с кем он проходил по делам, ты, надеюсь, знаешь?

– Разумеется.

– Тебе это поможет в твоей деятельности?

– Еще как поможет! Спасибо, дядя Сережа. Заглядывайте как-нибудь к нам в гости. У деда для вас всегда найдется бутылочка хорошего коньяка.

– В таком случае непременно загляну!

Я выключила телефон и выжала сцепление.

Дома я приготовила себе чашечку кофе и села поразмышлять. Значит, лаборант-криминалист у нас все-таки оказался «купленным». Нет, я не то что бы не верила адвокату, просто привыкла все проверять сама. Если Степан Суруляк дружит с Эдиком Чепуровым, чего ему стоило через него выйти на его двоюродного дядюшку! Денег у Суруляка, как известно, хватает: и у самого имеется магазинчик, и братец его отнюдь не бедствует в своем клубе. Значит, придется разбираться еще и с продажным лаборантом. Ведь если бы он не подменил анализы... Если бы, если...

Ближе к вечеру позвонил Павел:

– Полина, как у тебя дела?

– Кое-что проверяю и уточняю... А что?

– Я хотел спросить: когда мы начнем делать хоть что-то? Мне не терпится рассчитаться с этим гадом.

– А ты не торопись, Павел, в таком деле спешить нельзя. Я вот выяснила, что лаборант Чепуров И.Д. является не кем иным, как родственничком Эдика Чепурова – любителя уличного мордобоя и разбоя. Точнее, это его двоюродный дядюшка. А раз так, то факт подкупа лаборанта и подмены анализов предлагаю считать доказанным.

– Полина, разве это и так не было понятно?!

– Кому понятно? Тебе, может, и было, а мне – нет. Я всегда убеждаюсь во всем самолично, чтобы случайно не пострадали невинные люди.

– Хорошо, что ты так щепетильно все проверяешь. Ну а делать-то нам что?

– Ты хочешь, чтобы я тебя чем-нибудь озадачила? Ладно. Вот тебе партийное поручение: нарой мне связи Евдокии Курочкиной.

– В каком смысле – связи?

– Ее подруги, друзья, хорошие знакомые...

– А зачем нам это надо?

– Мадам Курочкина дала на суде ложные сведения, обеспечивая своему ненаглядному алиби. Я считаю, что это тоже преступление, и хочу, чтобы она понесла заслуженное наказание: сама испытала на себе, каково это, когда преступнику обеспечивают ложное алиби.

Павел промямлил что-то нечленораздельное.

– Что-что? Я не расслышала, – переспросила я.

– Полина! Честно говоря, я не понимаю, зачем все это нужно? И при чем здесь эта Курочкина? Она, конечно, тварь, никто не спорит, но мы хотели... хм, разобраться с другим человеком. А непорядочный свидетель – да, это плохо, очень плохо. Но она самолично никого не убивала.

– Павел, ты не прав! Убивала. Своей ложью! Она дала неверные показания и тем самым помогла преступнику уйти от возмездия. Во всяком случае, смерть Аллы Арбениной и на ее совести тоже. А муж Аллы? Он в больнице, и еще неизвестно, чем там все кончится. И ты считаешь, что Курочкина не заслужила наказание?

– Ну, хорошо, согласен. Заслужила. Но с ней можно разобраться и позже – невелика птица.

– Нет! Именно сначала с ней и со всеми другими людьми, так или иначе помогавшими Суруляку оказаться на свободе. Чтобы он видел, как возмездие неумолимо приближается к нему самому! Как известно, ожидание смерти хуже самой смерти.

– А если этот Обмылок вздумает завести в укромное местечко какого-нибудь другого ребенка?

– Сейчас вряд ли. Он убийца, но не дурак. Побойтся: он ведь только что чудом избежал наказания. Он будет выжидать, чтобы прошло какое-то время и все забыли о его преступлении, потеряли бдительность.

– Хорошо, – вздохнул Павел, – считай, что ты меня убедила. Пойду добывать сведения.

Он отключился. Я положила трубку и достала из футляра саксофон. Сегодня у меня было не самое грустное настроение, но почему-то мне захотелось сыграть одну из лирических композиций Клода Дебюсси. Обычно саксофон помогал мне справиться с дурным расположением духа, а иногда в процессе музицирования мне в голову приходило какое-нибудь оригинальное решение проблемы.

Так было и сейчас. Я играла лирическую мелодию, и мысли унеслись сначала куда-то далеко-далеко, а потом они закружились вокруг личности самого Обмылка, персоны его подружки и их дурацкого магазина. Пожалуй, надо бы поставить им под прилавок «жучок»! Всегда лучше иметь свои глаза и уши в стане врага. А если уж таковых нет, то требуется хотя бы подслушивающее устройство на худой конец... Когда-то Алина познакомила меня с хорошим электронщиком, компьютерным гением и хакером-одиночкой в одном лице, Витей Шиловым, откликающимся на ник Шило. Витя снабжал меня изготовленными и усовершенствованными им самим приспособлениями для «прослушки». Они были просты в употреблении и весьма надежны. Кроме гениальности, Витя обладал еще одной из положительных черт характера: он был удивительно скромен. Снабжая меня «жучками», он никогда не спрашивал, для чего мне это нужно.

Итак, завтра же я поеду к Вите и запасусь парой крохотных микрофончиков. А еще будет неплохо устроиться к этому уроду Обмылку на работу. Чтобы оказаться к нему поближе. Хотя лично мне было дико даже просто вообразить, как я буду работать в таком магазине.

* * *

Алина заявила ко мне на следующий день, и опять с утра пораньше. Она напрямик направилась в кухню и рухнула там на стул.

– Слушай, Полин. У меня к тебе дело. Запишись, и притом срочно, в ШИЗНИ.

– Что мне сделать?! Шизануться? Да, при такой жизни, похоже, только это мне и осталось!

– Нет, я говорю: запишись в ШИЗНИ. Ну, что ты так на меня смотришь? ШИЗНИ.

– Это ты мне такой совет даешь?

– Да нет! ШИЗНИ – это штаб изобретателей-защитников непризнанных изобретений. Они при обществе защиты рационализаторов и изобретателей числятся. Я туда вступила и тебе советую.

– В эту шизу? Мне-то туда зачем?!

– Чтобы сплотиться, чтобы быть всем вместе. Примемся защищать изобретателей. И пусть нас будет много!

– Ага, возьмемся за руки, друзья, чтоб не шизеть поодиночке? Нет уж, извини, на мою долю и так шизы хватает. Я тут за такое дело взялась!..

Но я чувствовала, что Алина все равно не отцепится, и тогда я прибегла к часто используемой мною хитрой уловке: для начала, заплатив ей членские взносы – весьма незначительную сумму, – я пообещала в самое ближайшее время вступить в их организацию и начать шизеть вместе с ними. Как говорится, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы меня не доставало. Затем, чтобы переключить внимание подружки от шизиков-изобретателей, я круто сменила тему беседы:

– Алина, ты не представляешь, где я вчера была!

– Да? И где?

– В секс-шоппе.

– Здорово! И как тебе тамошняя обстановочка?

– Алина, какая обстановочка! Ты знаешь, что там выставлено?!

– Разумеется, знаю, бывала в таких местах несколько раз.

– Как?! Ты там бывала? И что? Как тебе?

– Знаешь, у них есть очень прикольные вещицы. И, я бы даже сказала, нужные.

– Ну да, в хорошем хозяйстве, конечно, все пригодится. Посмотри, что я приобрела!

Я достала из сумки фаллоимитатор и с отвращением протянула его подружке. Она с самым деловым видом рассматривала мою покупку, вертя ее в руках.

– М-м-м... И сколько сие изделие стоит?

– Почти тысячу! Они мне еще интим-духи пытались всучить, уверяли, что от них «все мужчины начнут липнуть ко мне, как мухи к меду»!

– А разве мухи липнут к меду? По-моему, это прерогатива пчел... Так что ты решила насчет духов?

– Алина! Они стоят две тысячи! И еще неизвестно, какое именно действие проистечет от гормонов, входящих в их состав. Нет, на такой финансовый подвиг я не была готова. С меня и этой фиговины достаточно! – Я брезгливо отшвырнула фаллоимитатор на диван: – Сегодня же выброшу эту гадость!

– Подожди! Может, он действительно на что-то сгодится.

– На что? Что им можно делать?

Мы с Алиной посмотрели друг на друга и вдруг обе, как по команде, залились хохотом. Мы смеялись, держась за животы, а Алина просто сползла с кресла на пол. Насмеявшись вдоволь, я вновь завернула покупку в бумагу и положила к себе в шкаф. А что, Нечаева права: раз за него такие деньги заплачены, пусть хоть делу послужит... Правда, я пока не знала какому.

Спустившись в кухню, мы попили кофейку, и подружка вскоре уехала: ее ждали неотложные дела в ее ШИЗНИ.

Я закрыла за Алиной дверь и вернулась в свою комнату. Ну что, надо собираться и ехать, пожалуй, к Вите, за «жучками». Я набрала его номер и договорилась встретиться с Шилом в одном из интернет-кафе.

Витя сидел, как обычно, приклеившись взглядом к монитору.

– Падай, – кивнул он мне на стул, стоявший поблизости.

Я уселась. Шило продолжал щелкать кнопками клавиатуры, не обращая на меня ни малейшего внимания. Так продолжалось несколько минут. Я не обижалась и терпеливо ждала. Как человек гениальный, Витя имел свои маленькие причуды, на которые не стоило обращать внимания.

Наконец он тихо вскрикнул: «Есс!» и, довольный, повернулся ко мне:

– Слушаю вас, мадемуазель!

– Витя, мне... как всегда. Две штуки.

Я говорила тихо. Мы походили на шпионов. Я протянула Вите зажатые в руке деньги, свернутые в тонкую трубочку, он незаметно сунул их в карман, а взамен дал мне непрозрачный крохотный пакетик.

– Новье, – сказал он с гордостью, – муха не сидела! Радиус действия увеличен на четыре метра по сравнению с прошлой моделью, а слышимость улучшена на двадцать процентов. Я тут одному частному детективу продал на днях такую модель, так он теперь доволен, как сытый слон. Говорит, слышимость – супер! Я, вообще-то, хотел взять с тебя побольше за усовершенствование, ну да ладно! Ты у меня постоянный клиент, тебе – скидка. Опять же: ты часто оптом берешь. Так что, мать, пользуйся моей добротой!

– Спасибо, Витя. Родина тебя не забудет!

Я еще раз поблагодарила электронщика, попрощалась и вышла из кафе.

Мой путь вновь лежал к магазинчику Суруляка.

Я ехала на улицу Жен Декабристов и прикидывала, под каким предлогом я появлюсь там на этот раз. Гримироваться не стала, только надела большие солнечные очки и шляпу с полями, так что мое лицо практически было скрыто этими стилистическими атрибутами. Покупать всякую фигню в магазине на этот раз я, разумеется, не собиралась. Хватит с меня той тысячи, которую потратила там в прошлый раз! Я мотаюсь в это веселенькое заведение вовсе не затем, чтобы приносить прибыль ее владельцу. Сегодня моя задача – посадить «жучка». Он будет моими ушами.

Не доехав до магазина целый квартал, я поняла, что впереди происходит что-то непонятное. Сначала я попала в затор, а когда через несколько минут благополучно из него выбралась, увидела, что тротуар возле суруляковского магазина заполнила толпа. Я поставила машину на обочине и подошла к людям, плотным кольцом обступившим магазин. Они что-то наперебой кричали. Я прислушалась к выкрикам:

– Убийца! Убийца! Закрывай свой похабный магазин! Извращенец! Его самого надо убить!.. Хватит здесь резиновые ... продавать!.. Этому извращенцу надо кое-что отрезать!..

Зазвенело разбитое стекло. Очевидно, кто-то бросил камень в окно. Я увидела в толпе людей в милицмейской форме. Они пытались разогнать народ, но расходиться никто не хотел.

– Убийца! Сжечь его вместе с его магазином!

Подъехала еще одна милицмейская машина, из нее высыпал целый отряд вооруженных мужчин в камуфляжной форме. Народ стал нехотя расходиться, грозя на прощание, что они все равно сожгут Суруляка вместе с его «гнездом разврата». С балконов дома тоже кричали. Я отошла к своей машине. Отсюда мне было видно, что дверь и стены магазина исписаны матерными словами и угрозами.

Поняв, что «жучка» мне сегодня посадить вряд ли удастся, я села в машину и уже собралась отъезжать. Вдруг я увидела Ярцева. Он быстро шел в мою сторону, размахивая на ходу рукой. Открыв переднюю дверцу, он буквально рухнул на сиденье:

– Привет!

– Привет. Ты здесь зачем?

– Да к нам в редакцию позвонили и сообщили, что у магазина убийцы собирается толпа. Главред говорит: твоя тема, ты и поезжай. Город просто гудит! Нам звонят постоянно и письма присылают: люди недовольны решением суда. Да и смерть матери мальчика, как считают многие, на совести Суруляка. Говорят, он скрылся из города в неизвестном направлении. Но, думаю, ненадолго. Бизнес-то ждать не будет, надо торговать.

– Ты статью закончил? Ту, которая о суде?

– Едва-едва. Подписал и сдал в набор. Увидишь ее в завтрашнем номере. А тут – видишь, новые события! Ну, дела! Не успеваю писать!

– Ты все здесь зафиксировал?

– Да, я уже закончил. Думаю, можно уезжать: больше ничего интересного здесь не предвидится. ОМОН сейчас всех разгонит... Подбросишь меня до редакции?

– Легко! – Я выжала сцепление.

Мы с Ярцевым ехали по городу.

– Надеюсь, в статье будет много интересного про нашего насильника?

– Статья разгромная, не сомневайся. Обмылок получит хорошую оплеуху! Кстати, ты знаешь, почему такой раскордаш возле его магазина? Сегодня хоронят мать Артема Арбенина, Аллу. В той же самой могиле, рядом с сыном. А муж даже не может присутствовать на похоронах: он сейчас в больнице в тяжелом состоянии, я звонил туда, справлялся. Врачи подтвердили – инфаркт.

– Да, бедная бабушка, Мария Кирилловна! Страшно представить, сколько горя свалилось на нее. Похоронила внука, потом дочь, зять в тяжелом состоянии... Такого и врагу не пожелаешь. Интересно, у нее еще дети есть?

– Честно говоря, не знаю. Но могу навести справки, если надо.

– Наведи, Антон. Так, на всякий случай.

– Полина, а ты зачем приехала к магазину Обмылка?

– Хотела посадить ему «жучка» под прилавок, да вот не довелось.

– Хочешь знать, сколько вибраторов в день продает этот урод? Не переживай! Я думаю, весь этот шурум-бурум ненадолго. Несколько дней – и страсти поутихнут. Люди остынут, Обмылок снова откроет свой магазин. Так что ты еще наведишь его. Может, что-то и для себя прикупишь!

Ярцев засмеялся, а я погрозила ему кулаком.

В это время мы подъехали к зданию редакции. Антон вышел из машины:

– Ну, я пошел творить. Спасибо, что подбросила.

– Главное, что я тебя поймала. Чао, созвонимся.

Я развернулась и поехала домой, в коттеджный поселок.

По дороге я завернула в супермаркет и набрала продуктов, поскольку утром, заглянув в холодильник, подумала, что его уже можно смело отключать. Зачем же морозить пустоту? Я набрала кучу полуфабрикатов и сладостей к чаю, купила хлеб, сыр и масло, побросала все это в большой пакет, сунула его на заднее сиденье и отправилась домой.

Ариша лежал в шезлонге в саду и читал газету. Тень от деревьев спасала его от все еще жаркого солнца, и он с удовольствием предавался блаженному отдыху. Я прошла в дом и рассортировала продукты: некоторые положила в холодильник, другие в шкаф. Ариша вошел за мной следом.

– Полетт, знаешь, я что-то как-то проголодался... У нас не намечается что-нибудь наподобие обеда?

– Намечается. Причем в самом ближайшем будущем.

Я положила в микроволновку голубцы, быстро постругала в салатник пару помидорин и полила их майонезом.

– Где ты была, ма шер? – осведомился дедуля, подсаживаясь к столу.

Не вдаваясь в подробности, я рассказала о своем сегодняшнем визите в магазин Суруляка.

– А потом я подвезла Ярцева в редакцию, – закончила я свой короткий рассказ.

– Ярцева? Полетт! Я придумал! Тебе надо выйти замуж за Антона, – обрадованно сообщил мне Ариша, беря вилку и принимаясь за помидоры.

– Это еще зачем? – насторожилась я.

– А что, – пожал плечами дед, – ты знаешь его давно, он хороший парень, вы дружите... У вас, по-моему, получится прекрасная семья. И главное – будут дети!

– Дед, а чувства?! – возмутилась я. – Ярцев мне только друг, и я не люблю его. Да и он, по-моему, не испытывает ко мне нежных чувств. Или любовь, как ты считаешь, – не главное?

– Главное, ма шер, иметь семью. Я это знаю точно. А любовь... Она придет. Со временем. Если есть семья.

– Другими словами, стерпится – слюбится? Ну, дедуля, в этот раз ты, по-моему, пере-мудрил.

– Просто я хочу, чтобы у тебя были муж и дети. Смотри: все вокруг имеют семьи, даже этот твой адвокат.

– Он не мой. Да и не все имеют семью. Алина, например, «холостая», и Ярцев тоже. И все, дед, хватит об этом, прошу тебя! Моя семья – это ты. Мне с тобой хорошо. А если я встречу кого-нибудь и полюблю, обещаю тебе: обязательно выйду за него замуж.

Ариша посмотрел на меня с укоризной, побряхтел для видимости, изображая старого немощного старика, чтобы его пожалели, и принялся доедать помидоры.

Глава 5

Ярцев оказался хорошим прорицателем. Город шумел еще пару дней. Время от времени возле магазинчика «Игрушки для взрослых» появлялись какие-то люди. Они дописывали на его стенах то, что, по их мнению, не дописали другие. Каждый стремился внести свою лепту в дело оплевывания мерзавца Суруляка. Но на третий день возле магазина уже никого не наблюдалось. То ли всем это дело надоело, то ли писательский талант толпы поиссяк. На четвертый из дверей магазина появилась уборщица с ведром и тряпкой в руках, больше похожая на бомжиху. Она смыла со стен все, что только смогла. Следом за ней появился маляр с банкой краски и кистью и замазал то, что не отмыла уборщица.

А на следующий день магазин худо-бедно начал работать, но теперь в его дверях стоял охранник – здоровенный парень, что называется, «два на два». Он строго осматривал всех входящих, а если в поле его зрения появлялся кто-то подозрительный, он тут же направлялся к нему с таким видом, будто хотел «разобраться» с ним, и подозрительный мигом исчезал.

Таким образом, на пятый день равновесие сил, что называется, восстановилось: магазин торговал по-прежнему, хотя народу в нем наблюдалось совсем немного. Я каждый день проезжала мимо этого заведения, наблюдая перемены, происходящие там. Когда я увидела, что магазин начал работу, я отправилась домой, села к зеркалу, приняла образ легкомысленной особы неопределенного возраста и положения и отправилась обратно. Дело по внедрению «жучка» требовало завершения.

Охранник придирчиво оглядел меня и, сочтя, очевидно, законопослушной гражданкой, пропустил в магазин. За прилавком, как и в прошлый раз, стояла Евдокия Курочкина. Правда, теперь она выглядела несколько иначе. Она как-то осунулась и, по-моему, даже похудела. Наряд ее был уже на таком экстравагантном, да и количество косметики на лице заметно поубавилось.

Я принялась расхаживать по залу и осматривать витрины. Мне уже было не настолько неприятно, как в прошлый раз. Я даже задерживалась у некоторых особенно любопытных предметов. Видя мою заинтересованность, Евдокия вышла из-за прилавка и подплыла ко мне.

– Вас что-то конкретное интересует? – спросила она. – Или вы так... присмотреться?

– Скорее второе, – томно ответила я, пытаюсь показать, что я вообще дама со странностями.

– Тогда могу предложить вам просто уникальную вещь: интим-духи...

Евдокия принялась расписывать мне достоинства этого товара. Я слушала вполуха, думая о своем. Потом сделала вид, что заинтересовалась ее предложением.

– Так, говорите, все мужчины будут липнуть ко мне?

– Как мухи к меду!

– А-а... простите... женщины?

– А вам надо, чтобы и женщины тоже липли? Или одни женщины?

– М-м-м... И так и так...

– Тогда возьмите еще одеколон. Он притягивает именно женщин.

– Это хорошо... Это хорошо... Пожалуй, я возьму и то и то... А скажите, есть ли у вас еще видео... М-м... Как бы вам сказать?

– С «клубничкой»? – тихо уточнила Евдокия, хотя, кроме нас с ней, в магазине никого не было: охранник стоял за дверью.

– Ну да, – я скромно потупила глаза.

Продавщица понимающе кивнула. Она достала откуда-то из-под прилавка несколько дисков и разложила их передо мной веером.

– Вот это – о полигамной любви, тут – моногамная: дамы с дамами, тут, пардон, мужики с мужиками... Это вот групповуха... простите, шведская семья... Это – жесткий секс...

Я ощутила легкий приступ дурноты. Тем не менее, мне пришлось взять себя в руки и с самым заинтересованным видом рассматривать предложенный товар. Преодолев отвращение, я «выбрала» и отложила пару дисков.

– Скажите, а нет ли еще... как бы это?..

Я многозначительно посмотрела на Дусю.

– Да вы не стесняйтесь, говорите, чего вам надо-то? А уж мы вам подберем – останетесь довольны. У нас все есть – на любой вкус и желание!

– Ну, я бы хотела... одним словом, я видела однажды фильм... секс с участием подростков.

– Ага, – понимающе кивнула Евдокия, – сейчас посмотрю.

Неужели и это имеется в ее арсенале?! Женщина снова нырнула под прилавок, а когда вынырнула обратно, держала в руках диск. На коробочке была картинка: мальчик и девочка, каждому лет по двенадцать, оба почти обнаженные, страстно обнимают друг друга. Я почувствовала, как пол качнулся у меня под ногами.

– Тут самый крутой секс, и именно у подростков, – доверительно сообщила Евдокия.

Пришлось приобщить диск к тому, что я уже отложила в качестве покупки.

Я протянула ей деньги. Она взяла их, чуть не подпрыгнув от радости, пробила мне чек, завернула все в бумагу и положила сверток в пакет.

– Спасибо за покупку, приходите к нам еще, будем рады вас обслужить!.. – скороговоркой выпалила она.

Я вышла из магазина, завернула за угол, села в свою машину и тут только смогла вздохнуть с облегчением. Наконец-то эта пытка кончилась! Но на душе у меня было до того мерзко, что хотелось пойти и помыться. Ничего, переживу, уговаривала я себя. Не такое переживала! Конечно, потратить пришлось немало: около четырех тысяч. Но зато я свое дело сделала: пока Евдокия лазала под прилавок, я успела подсадить ей «жучка». А деньги... Ничего, свои деньги я верну с лихвой, дайте срок!

Я включила «прослушку» и вся превратилась в слух. Конечно, сам Суруляк сегодня в магазине вряд ли появится, скорее всего, не рискнет. Думаю, толпа негодующих граждан напугала его как следует. Но ничего, я буду каждый день приезжать сюда и слушать. Когда-нибудь полезная для меня информация все равно проскочит.

Просидев до вечера и слушая, как Евдокия «сватает» свой товар сексуально озабоченным гражданам, которые изредка наведывались к ней в магазинчик, я сильно проголодалась и решила ехать домой. Уже семь, магазин скоро закроется. Сегодня мне все равно больше ничего не светит. Приеду сюда завтра и еще послушаю. И вообще, я выхожу на тропу войны. Кто не спрятался, я не виновата!

Дома я включила кофеварку и достала из морозильника пельмени. В это время раздался телефонный звонок. Я взяла трубку.

– Аллю?

– Полина, это Павел. Есть новости. Подъехать можно?

– Подъезжай. Кстати, если не возражаешь, и поужинаем вместе. Ты пельмени с чем любишь?

– С мясом.

– А чем полить? Майонезом, сметаной, кетчупом? Или сливочным маслом?

– Пельмени я ем исключительно жареные и с соусом. Жди, скоро буду.

Ничего себе, кулинарный выпендрей! «Только жареные и с соусом»! А вареные ему чем не нравятся? Все нормальные люди такие едят. Да и соуса у меня нет. Придется поджарить

порцию для адвоката. Я налила в кастрюльку воду и поставила ее на огонь, потом достала сковороду. Пока они разогреваются, поднимусь в комнату деда, спрошу, с чем он будет пельмени.

Но Ариши в комнате не было. Странно, в саду я его тоже не заметила. Куда это подевался мой прародитель? Опять наносить визиты вежливости своим приятелям?

Я вернулась в кухню и принялась за приготовление ужина.

Павел появился через полчаса с пакетом в руке. Неужели там опять конфеты?

Он прошел в ванную, вымыл руки и заглянул на кухню:

– Запахи-то, запахи!

– Какие там запахи! Всего лишь пельмени. Зато двух видов: вареные и жареные. Садись сюда. Вот твоя тарелка. Жареные – как заказывал.

Павел достал из пакета бутылочку какого-то соуса и поставил на стол:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.